

ИБИС

**Альманах
№ 41**

- **Этика**
- **Эзотерика**
- **Литература**
- **Философия**
- **Медицина**
- **Наука**

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты.

Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

*Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и т.д., и т.п.*

●	1-я страница обложки	01
●	2-я страница обложки	02
●	Эпиграф к журналу	03
●	Сначала прочтите это	04
●	Портрет	05
●	Основные вопросы Бытия через ясновидение — А. Метельский	06
●	Настоящая литература! Анат. Рыбаков, "Прах и пепел" — повесть о временах сталинизма. Глава 25	07
●	1001 случай криминала: легко усматривается эзотеричность	08
●	Нравы правоохранителей Украины: Андрей КУДИН, «Тюрьма» (публикация книги)	09
●	Главы из новой книги крупнейшего джазмена России Алексея Козлова «Козёл на саксе»	10
●	"Оккультный мир" (выдержки из книги) — А. Синнет (1881)	11
●	Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": о нашем времени и ближайшем будущем?.. (продолжение)	12
●	"Альтист Данилов" (глава 38)	13
●	Продолжение "Альтиста Данилова": "Шеврикука, или Любовь к привидениям" (глава 25)	14
●	Философема	15
●	Цитата номера	16
●	3-я страница обложки	17
●	4-я страница обложки	18

**"Самого себя как целого
можно достичь только если
полностью понимаешь, что
обычный мир — это просто
точка зрения, независимо от
того, принадлежит ли она
обычному человеку или магу.**

*** * ***

**После целой жизни
борьбы я знаю, что по-
настоящему важным является
не просто научиться новому
описанию мира, но прибыть к
нему целым: следует прибыть
к нагуалю, не покалечив
тоналя, и превыше всего — не
покалечив своего тела."**

Дон Хуан
*(К. Кастанеда,
"Сказки о силе")*

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение кадуцея придано рубрике "Медицина", изображение строения атома — рубрике "Наука", и так далее. Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную — трёхлепестковое пламя над чашей. Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё, и т.п. Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не хуже военной приёмки...

Ниже примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи и кадуцей.

№ 1:

№ 2:

В папке FONTS или в файле «шрифты» прилагаем некоторые применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

**Портрет
главного редактора...**

О некоторых основных вопросах

Проблемы Бытия через ясновидение

(продолжение)

Андрей МЕТЕЛЬСКИЙ

Созревшее в сердце совместное решение разума и чувств поступает в центр реализации, находящийся в солнечном сплетении. С этим органом души я пока глубоко не работал, поэтому знаю только общие контуры его строения. Функционирование же и роль каждого из планов выясняются лишь в процессе устранения нарушений, связанных с ними. Непосредственно с повреждениями этого центра бывают связаны заболевания желудка. Но самые глубинные нарушения центра воли, даже его перерождение, возникают в связи с ложными идейными представлениями души и поэтому тоже коренятся в сознании, сердце или чувствах человека. Центр реализации — завершающее звено системы жизнедеятельности души, и на нём отражается здоровье всех остальных её сторон. Этот центр

просто загрязняется и перестает действовать, если человек живёт грешно.

У сатанинских душ, чёрных магов, йогов, людей, занимающихся восточными единоборствами, начинает формироваться другой центр — власти, обеспечивающий умение подавлять волю других и навязывать им то, на что те сами, без насилия, никогда бы не согласились. Это точка дань-тянь, расположенная чуть ниже центра живота. По мере формирования сатанинского центра власти волевой центр разрушается и в конечном итоге ликвидируется. При этом человек теряет способность к собственному волеизъявлению, становится роботообразным исполнителем воли Сатаны. Многие люди даже не осознают, что стали слепым орудием, игрушкой в руках мирового зла. Они думают, что это они сами ненавидят кого-то, раздражаются, гневаются, кричат, дерутся, стреляют и т.д. На деле же это просто марионетки, которыми вертит, как хочет, их хозяин — Сатана. Описываемая коллизия хорошо отражена в известной сказке о Буратино и золотом ключике: именно золото мудрости становится тем ключом, который открывает дверь в истинную жизнь. Но для того, чтобы стать живым действующим лицом, а не деревянной куклой, человек должен пройти долгий путь: научиться сострадать чужой боли, избегать соблазнов, освоить основы закона любви, приобрести навыки борьбы со злом, и

т.д., чтобы разного рода карабасы-барабасы перестали манипулировать нашими душами.

На нижнем плане волевой центр связан с одной из сторон змейки-хозяйки тела. Через неё осуществляется связь с сознанием и душой на уровне физической деятельности.

Затем на трёх синих слоях идёт структура типа круглых салфеток, только на первом синем она простая, на втором — на ней вышит цветочек, а на третьем — салфетка разделена на сектора всех цветов. Цветочек отвечает за гармоничность, разноцветная салфетка — за соразмерность разных качеств деятельности.

На зелёном слое (50-60 тыс.) виден цветок. Это отражение красоты и благородства поступков и действий.

Следующий план на голубом слое — основной для эмоционально-психологической деятельности. Он выглядит как кубок (красивая чаша с высокой ножкой) с жидкостью разных цветов, которые определяют особенности характера деятельности данной души. Но важно и состояние жидкости. В норме кубок должен быть полон, а поверхность жидкости — спокойная. Это обеспечивает уравновешенность, устойчивость в деятельности. Если жидкости мало — человеку быстро всё надоедает, не хватает упорства в достижении цели. Если жидкость неспокойна, на ней какие-то волны, внутри кто-то сидит и т.п. — в действиях проявляются суэта и нервозность, неуверенность в своих силах.

На белом слое (110 тыс.) в волевом центре стоят весы. Они обеспечивают взвешенность, продуманность действий и поступков, умение соблюдать меру воздействия на окружающих, соотносить свою волю с желаниями и волей других людей.

Затем на пятом синем слое под защитой основного религиозного канала находится ведущий план воли — жёлтый фонтан. Он снабжает остальные планы необходимым запасом сил для осуществления задуманных действий.

Выше находятся планы, делающие возможной умственную деятельность и отвечающие за ее разумность. На зелёном слое (190 тыс.) — лампа, типа сердечной. Она как бы освещает поле деятельности души, обеспечивает возможность поступать осмысленно, отдавать отчет в своих действиях и предвидеть их последствия.

На жёлтом слое стоит чаша с белой жидкостью. Это чистота и справедливость деятельности.

И наконец, на фиолетовом (210-220 тыс.) высший план — свеча: умение светить делами, нести свет в мир.

* * *

Тело. Внутренние органы.

Тот аспект, в котором соотношение «тело — душа — дух» имеет определённый смысл, связан с выделением мужской (серебряной) и женской (золотой) сторон нашего существа. Образ, встающий при таком понимании за словом «дух», — серебристая звёздочка, а за словом «душа» — золотая книга. Звёздочка входит в книгу (получается тонкое тело, как я говорил) и поднимает ее на новую ступеньку приближения к Богу. А за понятием тела встаёт образ квадратного сосуда с толстыми серебристыми стенками, в котором находится золотая жидкость — опять же душа. Так что тело и дух относятся к мужской — серебряной — стороне Бытия и вместе заботятся о золоте души.

Хозяин нашего тела, который расположен на высокой частоте (240 тыс.), сразу сказал, что не надо принижать тело и сводить его только к физиологии. Тело лишь на 30% материально, а на 70% — духовно. Высшие планы внутренних органов располагаются на частотах 210-240 тыс. — практически там же, где высшие планы сознания. И на всех уровнях они тесно взаимосвязаны и влияют друг на друга. Все планы тела, как я уже говорил, уходят после

смерти вместе с золотой книгой, поэтому тело — не временное приложение к душе в земной жизни, а неотъемлемая её часть. Временна лишь последняя плотная оболочка физического тела на первом хрустальном слое (0-4 тыс.). Это и есть тот самый «прах земной», который мы оставляем, уходя из временной жизни, — оболочка, а не само тело. И это важно иметь в виду при разговоре о воскресении мёртвых в теле, где речь идёт о восстановлении тонких тел, разрушаемых Сатаной в нашей земной жизни, но никак не о плотных физических оболочках.

Строение тела мне пока известно не так хорошо, как остальные стороны души. Я пишу лишь о тех планах органов, которые я знаю наверняка и которые неоднократно использовал в целительской практике. Впрочем, люди, обладающие ясновидением, смогут многое обнаружить и сами, ориентируясь на общую для всего организма систему частот и слоёв. Когда есть представление о цельной структуре, то любой элемент легко находит в ней своё место.

ЛЁГКИЕ обеспечивают обмен души с потоками окружающего мира не только на физическом плане. Здоровые лёгкие дают психологическое ощущение свежести и бодрости, способствуют хорошему, оптимистическому настрою всей души. С лёгкими связаны интерес к жизни, любопытство, стремление познать окружающий мир.

На одном из высших планов (170-180 тыс.) лёгкие выглядят как две белые круглые лаборатории с аналитической аппаратурой, маленькими человечками-сотрудниками и распределительной системой. Это один из основных планов, обеспечивающий снабжение всех остальных органов белым потоком. Он и даёт ощущение свежести и полноты.

На частоте 160 тыс. — две подушечки, заполненные голубым. В них запас голубого на два дня. Этот план связан с настроением и всеми свойствами, идущими по голубому.

На частоте 150 тыс. — два полотна, на которых бьют небольшие фонтанчики разных цветов, расположенные в шахматном порядке и прикрытые колпачками типа шашек — небольшими матовыми цилиндрами. Физиологически этот уровень связан с работой бронхов, а психологически — с работоспособностью: его нарушения приводят к быстрой утомляемости.

На частоте 80 тыс. — два полотна с голубыми квадратами. Здесь идет распределение голубого потока по организму. При нарушениях этого плана появляется глубокий кашель, не имеющий внешних причин в виде микробов, простуды и т.п.

На частоте 50 тыс. — зеленый лес. Это центр астматических симптомов. Он связан со сном, общим спокойствием, ровностью поведения.

На частоте 20 тыс. — два красных домика. Это уровень связи с кровеносной системой, один из центров, регулирующих состав крови.

И на частоте 10 тыс. — два оранжевых озера, которые обеспечивают мышечную активность, физический тонус организма, лёгкость на подъём, мобильность.

ПЕЧЕНЬ. Пока что в практике я использовал два плана. На частоте 130-140 тыс. находится золотисто-оранжевый дворец хозяина печени. Если он жив, то обладает способностью сам основательно наладить работу печени. Если же повреждён, это отражается не только на физиологии, но и на характере: возникают приступы злобы и ярости, развивается то, что называют «жёлчность». Хозяин печени питается в основном сыром (как я уже говорил), поэтому полностью исключать этот продукт из рациона опасно. На время поста хозяин печени делает запасы, но вообще без сыра могут обойтись лишь люди, постоянно находящиеся в молитве — священники, монахи. Тогда этот наш помощник получает достаточно фиолетового по религиозному потоку. Кроме того, ему нужно немного сахара, и хорошо примерно два дня в месяц пить чай со зверобоем — для очищения.

На жёлтом слое (70 тыс.) находится нечто, похожее на трансформатор, от которого идут 14 трубочек к желудку. По ним поступают пищеварительные соки. Хорошая работа трансформатора обеспечивает нормальное

пищеварение и ощущение лёгкости в желудке. Часто бывает, что сам трансформатор в порядке, но к нему не поступает жёлтый поток, но случается и наоборот, когда разорваны связи с желудком.

ПОЧКИ я изучил довольно подробно, однако опыт показал, что с ними надо работать очень осторожно, и в частности — не восстанавливать сразу несколько планов, а не более 1-2 за сеанс; и к повторной работе приступать через 2-3 недели и проводить восстановление за 2-3 сеанса.

Первые два уровня почек обеспечивают разогрев всего организма. На оранжевом слое видятся два склада дров, на красном — две печечки, в которых горит аккуратный костёр. Судя по всему, на печке греется нижний план души — бак с красным. Количество дров в печи у каждого индивидуально. Для восстановления нормальной работы этих уровней достаточно поддержать их в святой воде. Нарушения их вызывают тянущие боли в пояснице.

На частоте 20-30 тыс. — два ситечка, через которые просеивается нечто вроде песка. В норме они должны постоянно слегка колебаться, обеспечивая ровное, спокойное душевное состояние.

На частоте 30 тыс. находятся две турбины, типа мельничных колёс с лопастями, на которые льётся жидкость. Этот уровень связан не только непосредственно с почками, но и с

пищеварением. А в психологическом отношении — с решительностью, способностью к мобилизации, быстрому включению в деятельность.

На частоте 40 тыс. видны два прямоугольных щита с маленькими красными лампочками по периметру и S-образной трубкой с красной жидкостью посередине. Этот план связан с почечной артерией, регуляцией давления и работой мозга. От него во многом зависит ощущение лёгкости или тяжести в голове.

На частоте 50 тыс. — такие же два щита, но целиком покрытые семью рядами красных лампочек. Кроме работы почек, этот уровень определяет мыслительные процессы. Если он поражён — развивается тугодумие.

На жёлтом слое (70 тыс.) — сооружение типа мельницы, перемалывающей крупные камни. Физиологически этот план связан с камнями в почках. Но камни, которые видны на данном уровне, это психологические обиды. И на физическом плане они возникают в связи со злопамятностью, переживаниями, обидами. А нормальная работа этого плана способствует умению преодолевать трудности, не держать зла.

И ещё отмечу высший план почек на верхнем жёлтом слое (210 тыс.). Там видится шкаф типа холодильника, только вместо льда на морозильнике соль. Я ещё скажу о важности соли для работы организма, пока же отмечу, что

«морозильник» ржавеет при её недостатке. В шкафу откладываются лишние продукты питания. Если жив хозяин почек, он сам чистит холодильник. Если же он не в порядке, продукты начинают гнить. Этот уровень тоже обеспечивает волевые качества, собранность, упорство. Страдает и разрушается от недостатка соли и переедания.

(продолжение предполагается)

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции: вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

Саша засмеялся.

- Давай. У тебя на любой случай есть какая-нибудь история.

- Ты послушай, послушай. Году, наверно, в двадцать девятом или в тридцатом была у меня пассия, хорошая девчонка, сельская учительница. Я к ней наезжал, она меня за брата выдавала, отчества у нас одинаковые: я Васильевич, она тоже Васильевна. Ночью мы, конечно, по кровати катались, это мы умели, а днем я уходил в лес, в поля, с этюдничком. Такая была сельская идиллия. Пейзане ко мне относились вроде бы неплохо, снисходительно, знаешь, как работающий мужик к горожанину с мольбертом: мол, "дурит барин", но, в общем, ничего, добродушно. Однажды, спим мы еще с моей Клавочкой, наработались за ночь, слышу, шум на улице. Что такое? Она встала, подошла к окошку, чуть отодвинула занавеску и говорит: "Голодухиных раскулачивают". А там, между прочим, дорогуша, все Голодухины, и деревня раньше называлась Голодухино, потом ее, конечно, переименовали на современный манер: "Гроза империализма".

- Не заливай, не заливай!

- Слово даю. Нищий колхозик, а назывался именно так: "Гроза империализма", такое вот устрашающее название.

- Анекдот!

- Не в этом суть. Суть в том, что у всей деревни фамилии одинаковые - Голодухины; выходит, все они в родстве, — в дальнем, в ближнем, но в родстве. И вот каких-то Голодухиных раскулачивают. Я, конечно, быстренько натягиваю портки: на такое зрелище надо посмотреть. А Клавка мне: "Не ходи, там милиция, уполномоченные всякие, а ты не местный; придерутся, документы потребуют, кто такой, а наши скажут: к учительнице, Клавдии Васильевне, приезжает, ночует; не хочу я этого. Смотри отсюда, все видно, встань вот сюда".

Встал я, как она посоветовала, и вижу: возле избы две телеги, милиционеры вытаскивают из дома женщин, детей, стариков, хозяева не сопротивляются, знают: за сопротивление пришьют статью; бабы кидают на телеги узлы, нищее свое барахло, бабка совсем дряхлая, не ходит, ее мильтоны с печи стянули, на руках вынесли и на телегу бросили; один ребенок грудной и остальные детишки малые, орут, плач, крик, стон, — картина, в общем, жуткая и отвратительная: ни за что ни про что срывают с родного места, разоряют обжитое гнездо, отправляют в Сибирь, фактически на смерть.

Глеб замолчал, долго шел молча.

- Но главное, дорогуша, другое. Рядом стоят мужики, бабы, молча стоят, детишки — и те замерли; и все - Голодухины, как и эти несчастные раскулаченные, родственники, кумовья, сватья, вместе жизнь прожили. И вот на их глазах творится такое злодейство, и совершают его какой-то задрипанный уполномоченный в пиджачке и два хлипких мильтона. И по тому, как стоят сильные, здоровые, хмурые мужики, и тоже сильные, здоровые бабы, и по тому, дорогуша, какая готовность написана на их лицах, я думаю: сейчас обрушатся на тех хлюпиков, обезоружат, бросят на телеги, стеганут по коням и выгонят из деревни. И я жду этого момента. Однако нет... Мильтоны уже всю семью выволокли из избы, посажали на телеги, бабы режут ревом, и детишки плачут навзрыд, а мильтоны - хлоп кнутом по лошадям и поехали... И вот тут, дорогуша, вот тут толпа бросилась, но не вдогонку, не выручать своих, не вызволять из беды - в избы бросились: растаскивать оставленное, что не могли увезти с собой те несчастные. И идут, понимаешь, домой наши добрые, жалостливые бабы радостные, довольные, и ребятишки рядом, кто с горшком, кто с тарелкой, кто с печной заслонкой: прямо из печи с проволокой выдрали, торопились, пока председатель сельсовета эту разграбленную и опозоренную избы не опечатал. Было мне тогда лет девятнадцать-двадцать. И в тот момент понял я, что народ наш

- холоп, от мужика до вот этого холопского писателя Шолохова, от простой бабы до члена Политбюро, который по команде признает себя шпионом и диверсантом. И всё, что пишут там всякие Достоевские и прочие философы об особой душе, особой миссии, особом предназначении, - все это чепуха! И тютчевское: "Умом Россию не понять... У ней особенная статья" - все это, дорогуша, поэтическое словоблудие, поэтические фантазии.

- Вся деревня в этом участвовала? - спросил Саша.

- Не вся, конечно, но что это меняет?

- Многое. Кучка мародеров - это еще не народ. Всюду есть свои бандиты.

- Почему же "хорошие люди" не пришли защищать своего соседа?

- А ты пришел? Ты защитил?

- Дорогуша, я такой же холоп.

- Тогда и от других не требуй! Особенно от мужика, которым всегда помыкали, обирали, вертели им, как хотели, и помещик, и староста с кнутом, и урядник с шашкой, и свой брат-миroeд, и казак с нагайкой, и подразверстчик с винтовкой, и агитатор, за которым стоял комиссар с маузером, и те, кто приказал "раскулачивать", и те, кто это выполнял. Но с них мы не спросим - опасно, а мы жить хотим, плясать, выпивать и закусывать.

- Кстати, о закуске, - подхватил Глеб, они проходили мимо ресторана, - зайдём.

- Час назад пообедали. Скажи прямо: хочу сто граммов принять.

Глеб рассмеялся.

- Да, дорогуша, хочу перед занятиями сто граммов принять.

Саша взглянул на часы.

- Не успеем. Отзанимаемся, тогда зайдём, выпьем.

- Пусть так, - согласился Глеб, - перенесём на вечер. Только я тебе вот что скажу. Меня ты обругал, а сам?

- Я такой же, как и ты. Но каков бы я ни был, на затюканных, замордованных, обманутых людей валить не буду. Я не их, я себя презираю.

Некоторое время Глеб шел молча, потом сказал:

- Я о народе нашем так говорю не потому, что я из немцев или еще из каких-нибудь инородцев. Нет, дорогуша, я чистокровный русский человек, сейчас этим разрешено гордиться, сейчас патриотизм в моде. "Александр Невский", "Минин и Пожарский", "Петр Первый" - к чему эти картины снимают? Для воспитания патриотизма, и заметь, дорогуша, русского патриотизма. Я тебе больше скажу, только тебе: я - потомственный русский дворянин из старинного рода, мои предки при Грозном Казань брали и

Астрахань, с Суворовым через Альпы ходили, отличились, были среди них градоначальники и декабристы, помещики и народовольцы, всякие бывали, но ни одного немца. Правда, захудел наш род, породнился с купцами, перешел в интеллигенцию, университеты кончали, были и профессора, и художники, так что о моем дворянстве, слава Богу, никто до сих пор не пронюхал. Только дворянство свое я, дорогуша, ни во что не ставлю. Сохранился документ шестнадцатого или семнадцатого века, мне один родственник показывал: предок наш боярин челобитную царю подал и подписался: "Верный холопишка твой Ивашка, сын такой-то". Французский или немецкий дворянин так о себе не написал бы — холопишка... Это наше, российское. И тогда уже все холопы были, и бояре, вельможи, вон откуда это повелось.

- О французах, о немцах сказки не рассказывай, тоже много чего наворотили. Какие немцы были свободные после войны, какие демократы! И сами себе Гитлера на шею посадили, — заметь, всеобщим голосованием. От кайзера к свободе кинулись, а как ее понюхали, обратно под кнут запросились. Так что не надо других в пример ставить. И не надо весь наш народ стричь под одну гребенку.

Они дошли до Дворца труда. Глеб положил ладонь на ручку, но дверь не открыл, неожиданно сказал:

- А эта школьная подруга твоя, Лена, интересная...

- В таких случаях ты говоришь: мадонна, колоссаль, - усмехнулся Саша.

- Нет, - задумчиво ответил Глеб, - тут что-то позначительнее.

(продолжение предполагается)

1001 смерть

А.П.Лаврин¹

Самым "хрестоматийным" убийцей для французов является Анри Дезире Ландрю (1869-1922), который был обвинен в убийстве 10 женщин и одного мальчика. Он убивал их у себя на вилле, а тела сжигал. Несмотря на то, что вину свою он не признал, Ландрю был казнен по приговору суда.

Еще один субъект того же рода - Жан-Батист Тропман (1849-1870). Механик по профессии, Тропман убил семью Кинков - мужа, жену и пятерых детей в возрасте от 5 до 16 лет, проживавших близ местечка Пантен под Парижем. Жена при этом была беременна на седьмом месяце. Тропман нанес своим жертвам в общей сложности более 100 ран. Один из свидетелей, проходивших недалеко от места убийства, различил голос ребенка, кричавшего: "Ай, мама, мама!" Цель преступления Тропмана была неизменно-прозаической - деньги. По приговору суда преступник был гильотинирован 7 января 1870 года. Его казнь наблюдал

И.С.Тургенев, приглашенный на нее французским писателем М.Дежаном, и подробно описал ее в очерке "Казнь Тропмана".

Среди убийств новейшего времени во Франции особое место занимает история Иссеи Сагавы, учившегося в Париже отпрыска японского бизнесмена. В июне 1981 г. этот миниатюрный сын страны восходящего солнца (рост 1 метр 48 см, вес 40 кг) выстрелом из карабина убил свою любовницу — голландскую студентку Рене Хартевильт. Но выдавшую виды Францию потрясло не само убийство (мало ли любовников сводят свои счета кровавым способом), а то, что Сагава аккуратно разрезал тело подруги на куски и часть из них съел. Преступление настолько не укладывалось в рамки европейской морали, что французские эксперты поспешили объявить Сагаву ненормальным. Суд отказался его наказывать. Тем временем Сагава, сидя в тюрьме, написал письмо в Японию известному режиссеру Юро Кара.

"Господин Юро Кара! Я тот, кто убил молодую голландскую женщину, съел часть ее плоти и был арестован полицией. Господин М. сообщил мне, что вы подумываете о том, чтобы поставить фильм, посвященный моему делу. В своем предыдущем письме, которое я направил господину М., я сообщал, что и сам уже давно думал о создании такого фильма. Я хотел бы назвать его "Обожание". Его можно было бы

построить так: один человек с Востока (точнее, японец) обожает западную женщину до такой степени, что испытывает неудержимое желание убить ее и съесть. Это, с одной стороны, — символическое отражение неискоренимо притягательной страсти, которую Япония испытывает в отношении Запада. С другой стороны, это выражение странного импульса, который таится во мне и который я хочу выразить.

Героем фильма должен быть невысокий, возможно более тщедушный японец, а его жертва должна быть типично западной - высокой блондинкой. Фильм должен начинаться кадрами, отображающими одиночество героя, который находится в центре большого города. В конце - пейзаж, показывающий грозное бушующее море и иллюстрирующий тем самым подлинную натуру героя.

Я давно лелею надежду, что в один прекрасный день будет создан такой фильм. И мне очень хотелось бы сыграть в нем свою собственную роль. Конечно, мое судебное дело послужит лишь затравкой для вашего творческого воображения, и вы сможете развить сценарий так, как вы сочтете это необходимым. Но если у вас возникнет желание разузнать, что происходит в моей душе - в душе главного героя фильма, - я с удовольствием отвечу на ваши вопросы...»

Разумеется, такое желание у Юро Кара возникло; он завязал с Сагавой переписку и спустя некоторое время написал об этом деле документальный роман "Обожание", который получил в Японии престижнейшую премию Акутагавы и был продан в количестве 1 миллиона экземпляров. Увы, люди любят читать подобную литературу. Доказательством служит и то, что вы читаете в данный момент именно эту книгу, а не "Критику чистого разума" Канта или "Войну и мир" Толстого.

Сагаву 5 месяцев обследовали психиатры, затем ему разрешили по уикендам на один день покидать тюрьму, а в июле 1983 г. перевели в психиатрическую лечебницу в пригороде Парижа. Находясь там, он написал собственную книгу о совершенном преступлении - "В тумане". Книга Сагавы была продана тиражом лишь... 300 тысяч экземпляров. В одном из писем к Юро Каре Сагава обронил:

"Если меня выпустят на свободу, я съем другую женщину". Быть может, поэтому французы выдворили японца к нему на родину. Он вернулся домой в начале июня 1984 г. Режиссер Осима начал подготовку к фильму по делу Сагавы, а сам преступник купался в лучах славы. Однако родители убитой голландки потребовали вернуть Сагаву в Париж и судить, поскольку, если он здоров и находится на

свободе, значит, может отвечать за свои поступки.

Адвокаты Сагавы добились помещения его в госпиталь для нервнобольных, где он продолжил работу, начатую в парижском университете, по сравнительному анализу французской и английской литератур...

* * *

Француженка... Это слово вызывает образ прекрасной дамы, от него веет духами и легендами. Увы, ветер эмансипации разбивает порой этот образ вдребезги, как пустой флакон. Французские женщины научились быть жестокими и убивать без особых колебаний. Страшнее всего то, что на это идут совсем молоденькие девушки. В июле 1972 г. 18-летняя Мишлин Брик и ее 17-летняя подружка Жослин от нечего делать купили ножи, заточили их в мастерской, затем вышли на дорогу и стали голосовать. Остановился первый же автомобилист - это был рабочий Жан-Клод Рэй.

- Извините, месье, не могли бы вы нас подвезти?

- Разумеется!

Бедняга Жан-Клод не подозревал, что его ждет. Весело болтая и отпуская спутницам комплименты, он переключал скорости, притормаживая на поворотах. Едва машина

подъехала к безлюдному месту, девушки попросили его остановиться, и Мишлин Брик (она находилась на заднем сиденье) ударила Рэя ножом в спину. Жаслин почти одновременно нанесла удар ножом в живот. Они вышли из автомобиля, запачкавшись кровью. Бумажник Рэя девушки не взяли - ведь они сделали это не ради денег.

А вот 18-летняя Валери Сюбра стала соучастницей двух убийств и семи покушений на убийство именно из-за денег. Она родилась в 1966 году и была единственным ребенком в семье. Мать Валери трижды выходила замуж и разводилась; своего родного отца девушка увидела впервые в 16 лет. Вместе с матерью они кочевали с одного места жительства на другое. Училась Валери в церковных школах, но аттестата о неполном среднем образовании не получила: не сдала выпускных экзаменов. Какая-то высокая тяга, жажда идеалов еще таилась в ее душе - она записалась в школу эстетики. Но Боже мой, какая может быть эстетика, когда хочется хорошо одеваться, ходить в модные рестораны, не задумываясь над тем, сколько ты можешь позволить себе потратить за один вечер! И, конечно, школа эстетики полетела к черту. Вместо нее появился оптовый магазин готового платья в Сантье, где Валери становится продавщицей. При необходимости она превращается и в манекенщицу. Начинается

"сладкая" жизнь. Ночные кафе, любовники, увеселительные поездки - все это похоже на безумный калейдоскоп.

В 1984 году на горизонте Валери появляется Лоран Хаттаб, сын крупного бизнесмена. Он тоже любит богемную жизнь, деньги и азартную игру. Валери безумно влюбляется в него. Потом к ним присоединяется еще один молодой прожигатель жизни - Жан Реми Саро. Душой и мотором компании была Валери. Они придумывают себе "философию", — конечно, не такую сложную, как Родион Раскольников, но по смыслу очень близкую: мы не такие, как все, и потому нам всё дозволено. Родная страна представлялась им убогим провинциальным местечком, где трудно развернуться сильной личности. Они мечтали об Америке. Но ехать решили туда не с пустыми руками, а имея в кармане 10 миллионов франков. Вскоре "адская троица", как называли ее потом журналисты, перешла от слов к делу. Дело же заключалось в том, что обольстительная Валери знакомилась в ночных кафе и ресторанах с богато одетыми одинокими мужчинами и затем приглашала их к себе домой. Ну, а там жертву уже поджидали Саро и Хаттаб. Пока они убивали несостоявшегося любовника Валери, она подсчитывала содержимое его бумажника.

К счастью, троицу остановили раньше, чем счет жертвам пошел на десятки. В январе 1988 г. Валери и ее приятели были приговорены к пожизненному заключению. Но, похоже, они так и не поняли, почему. Писатель Морган Спорте,

написавший об "адской троице" книгу "Приманка", говорит: "Убийства, совершенные ими, вызывают ужас. Они свидетельствуют о том, что у ребят полностью отсутствует какое бы то ни было понятие о добре и зле. Это мир, управляемый тремя понятиями: деньги, ложь, тряпки.

Чтобы представить себе степень наивности Валери, достаточно сказать, что сразу после ареста она спросила, освободят ли ее до Нового года? В самом деле, ведь это очень обидно - встречать такой веселый праздник в тюрьме!»

(продолжение предполагается)

Андрей КУДИН

КАК ВЫЖИТЬ В ТЮРЬМЕ

Предисловие редактора

«Как выжить в тюрьме», может знать только тот, кто долго там был. Упаси нас Господь от этой доли — осмелюсь я возразить общеизвестной поговорке.

Художественной ценности книга А. Кудина не представляет, и мы публикуем её только как зарисовку современных нравов на (или «в»?) Украине, а также потому, что сейчас конец лета и интересные авторы с их возможными статьями — в отпусках.

*** * ***

Полное отсутствие какой-либо информации о близком человеке, так внезапно вырванном из семьи, угнетает похлеще, чем следы от чужих ног на ковре и вещи, разбросанные в беспорядке. После обыска постепенно выясняется, что, помимо изъятых и зафиксированных в протоколе вещей, из квартиры пропало немало других предметов, причем не обязательно ценных. Оно и понятно — менты не брезгуют заурядным воровством, поспешно хватая и рассовывая по карманам всё, что попадает на глаза. Боясь быть

уличенными в столь неблагоприятном деле, они прячут за пазуху всё подряд, действуя по принципу: "Потом разберемся. Ценное оставим, ненужное выбросим." Что любопытно: воруя, доблестные милиционеры боятся сослуживцев несравнимо больше, чем свидетелей из числа гражданских лиц, случайно оказавшихся в квартире. Какими бы тупыми ни были мусора, они прекрасно понимают, что понятие "дружба" в их ведомстве не существует, и живут они, словно крысы в клетке, ненавидя друг друга и завидуя более удачливым сослуживцам. Свидетелей-то, при желании, можно без труда запугать, а вот с коллегами по работе так не получится. Те мигом настучат куда надо. Опомниться не успеешь.

С момента задержания жизнь переходит в совершенно иное измерение времени. Что такое для свободы три дня? Ничто. Миг. Не успел оглянуться, а их уже нет. Это на воле, а за решеткой первые три дня покажутся длиннее нескольких лет. Всё время хочется пробить головой бетонную стену, совершить что-то несравнимо важное, передать суперценную информацию на свободу.

Надеяться на некое подобие объективности со стороны следствия - величайшая глупость. В материалах уголовного дела осядет только то, что характеризует тебя как антисоциального элемента, по ком плачет тюрьма и чьим именем

пугают непослушных детей. Да что говорить? Потом, во время знакомства с делом, ты, прочитав о себе, и сам прослезишься.

В свое время, когда я листал на нарах уголовно-процессуальный кодекс, мне врезалась в память мысль, проходящая красной нитью через всё законодательство Украины. Оказывается, в нашей горячо любимой стране любого человека можно упрятать за решетку как минимум на полтора года на основании, цитирую: "глубокого внутреннего убеждения" органов, ведущих дознание. Не веришь? Открой юридическую литературу и посмотри сам.

Несмотря ни на что, некоторые наивные простаки всё ещё надеются на справедливость и снисхождение со стороны следствия. Думаю, с таким же успехом можно просить многомиллионный кредит у бездомного нищего, живущего под забором. Задача карательных органов - упрятать (а не выпустить!), как они говорят, "объект" поглубже за решетку и чем на дольше - тем лучше. О справедливости, как о широко распространенном заблуждении, лучше позабыть навсегда - разговоры на данную тему только мешают, отвлекая от реального положения дел. Даже если невиновность человека очевидна и подтверждается неоспоримыми доказательствами - это вовсе не повод выпустить его из-под стражи. Освобождение арестанта автоматически означает признание чьей-то ошибки, в

результате которой побывал за решеткой и пострадал невинный человек, а так как отвечать за содеянное не хочет никто, то в конечном счете человек как сидел в тюрьме, так и продолжает сидеть. Чем дольше тянется следствие - тем больше шансов у органов, ведущих дознание, накопать что-нибудь новенькое.

Иногда о человеке просто-напросто забывают. К примеру, в одной из камер Лукьяновской тюрьмы судьба свела меня с Андреем Ш., бухгалтером по профессии. Максимальный срок, который ему светил в том случае, если вина будет полностью доказана, - четыре года усиленного режима. Между тем, Ш. находился в тюрьме уже шестой год, терпеливо ожидая, когда дело в конце концов попадет в суд. Однако ни следователи, ни работники прокуратуры выпускать парня на волю не торопились.

Случай с Андреем Ш. не исключение. За решеткой таких как он - тысячи. В тюрьме никто не удивится, узнав, что сосед по камере уже далеко не первый год ждет суда. Это обычная, самая что ни есть заурядная ситуация, к которой все как будто привыкли.

Интересно, какой дегенерат первым сказал, будто бы в любой (ты только вдумайся!) профессии есть как хорошие, так и плохие

люди? Только дебил не понимает, что каждый вид деятельности накладывает неизгладимый отпечаток на психику человека, формирует специфическое, присущее только людям данной профессии восприятие мира. Дырка в черепе глазами наемника и глазами врача - это совершенно разные вещи. Для представителей различных профессий трава пахнет по-разному, а цвет неба имеет разный оттенок.

"Хорошие", "честные" и им подобные люди в правоохранительных органах работать не могут. Это невозможно в силу специфики их нынешней деятельности. Те, кто еще не деградировал и не потерял человеческий облик, либо добровольно уволились с работы, либо вынуждены были уйти. На сегодняшний день правоохранительные органы - это самая криминализированная и опасная часть общества. Не заметить этого может разве что слепой, чье восприятие правоохранительных органов формировалось слащавыми басенками о несгибаемом Феликсе, художественным фильмом "Рожденная революцией" да парочкой детективов, написанных кем-нибудь из бывших работников прокуратуры.

Впрочем, ты человек свободный. Хочешь верить в мифы - верь. Паровоз тебе навстречу. Только вот полицай во все времена полицай, как бы там его ни называли. Проводя большую часть жизни в тюремных подвалах, он, хочет того или нет, превращается в самого что ни на

есть заурядного цепного пса в помятом казенном мундире.

Во всем мире собак, охраняющих дом, держат на цепи - только в таком случае от них может быть толк. В развитых странах такой цепью является Закон, строго регламентирующий каждый шаг гуманоида с дубинкой в руке. Только безответственные глупцы спускают диких и далеко не декоративных собачек с цепи, позволяя им свободно бегать по приусадебному участку и забегать в дом, где играют дети, а потом сокрушаются, когда опьяненные безнаказанностью твари вдруг возьмут да и загрызут кого-либо из членов семьи или покусают друзей. Неудивительно, что к таким вот хозяевам гости не часто заглядывают на огонек.

На Украине у псов нет цепи. Сотрудники правоохранительных органов трактуют Закон так, как им заблагорассудится, исходя из соображений личной выгоды. Их любимое занятие - поиск подходящих кандидатур, на кого можно было бы наехать и снять немножечко денег. От самих мусоров, как принято называть псов в народе (кстати, слово "мусор" как нельзя более точно и ёмко характеризует их внутреннюю сущность) исходит волна преступности, захлестнувшая Украину. Рыба всегда начинает гнить с головы...

Первое, что бросается в глаза при более или менее близком знакомстве с работниками правоохранительных органов - это патологическая жадность, многократно умноженная на элементарное невежество. Наблюдая за украинской милицией, в который раз убеждаешься, что голова дана человеку для того, чтобы есть, пить и материться, а вовсе не для того, чтобы думать. Когда местные шерлоки холмсы в поисках преступников рубят лес, щепки летят в разные стороны с такой силой, что за ними не видно того самого леса. (Кстати, сам Конан Дойль и его Шерлок Холмс терпеть не могли полицейских и постоянно насмехались над их тупоумием).

В заключении всегда нелегко, но самое трудное - это период с момента задержания до окончания предварительного следствия. Обычно, если человек выдерживает первые три дня "бесед" и допросов, то высока вероятность того, что он выдержит всё. На практике люди очень часто ломаются сразу, как только сталкиваются с реальной опасностью, поэтому сотрудники правоохранительных органов всегда пытаются выбить из "объекта" нужные им показания в первые часы и дни, пока задержанный находится в шоке и плохо контролирует свои действия. От того, как ты будешь себя вести в первые три дня заключения, порой зависит значительно

больше, чем от всего последующего пребывания за решеткой. Если брать по большому счету, то именно в эти дни решается твоя судьба.

Потом, после того как закончится предварительное следствие и в уголовном деле наступит полная ясность, ты уже нужен не будешь. Тебя, словно отработанный и пропущенный сквозь мясорубку материал, равнодушно бросят на конвейер, именуемый скамьей подсудимых, для вынесения приговора.

Это будет (или не будет) потом, а сейчас ты вынужден вести изнурительную борьбу, в которой награда - твоя жизнь и свобода. На тебя давят со всех сторон, стремясь превратить в затравленное, запуганное животное. На твою семью со всех сторон льются потоки немыслимой грязи, газеты и телевидение истерично называют тебя преступником, и это всё только лишь для того, чтобы сломить твою волю.

Воля - основа основ, стержень личности человека. Всё остальное - как пороки, так и достоинства - уже потом нанизывается на нее. Тот, кто стремится к успеху, тренирует прежде всего именно волю. Не столь важно как - главное результат. Испытания всегда внезапно врываются в привычное течение жизни. Тот, чья

воля сломлена, не способен бороться и потому обречен.

Метания изнуряют. Узнику тяжело собраться и беспристрастно оценить ситуацию. В такие минуты и совершаются роковые ошибки. Если почувствуешь, что теряешь контроль над собой, - остановись на какое-то время. Не ошибается тот, кто ничего не делает. Попробуй лечь на пол и забыться, полностью отрешившись от происходящего. Расслабь кисти рук и глаза. Это поможет сохранить здоровье и восстановить утраченные силы. Вспомни, о чем ты думал и что ощущал, когда в одиночестве смотрел на горные вершины или на бескрайние просторы бушующего океана. Образ неприступных гор и океанской бездны помогут вытеснить из сознания неприятные и опасные для жизни эмоции, накопленные за время общения с двуногими псами.

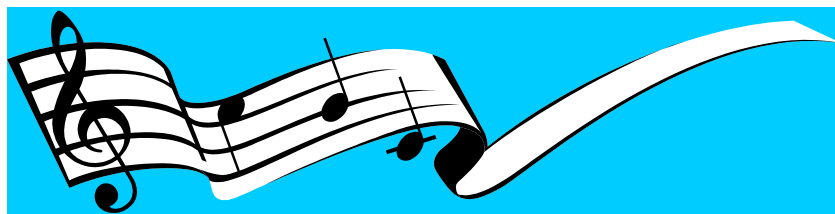
Не ты первый оказался за решеткой. Не ты последний. На начальном этапе твоя задача чрезвычайно проста: не сломаться, не поддаться на провокации, не намолоть чепухи. Умей молчать, если хочешь жить долго. Любой звук, вылетающий изо рта, будет использован против тебя.

На Украине человек не имеет никаких, даже самых элементарных прав на защиту. Его могут держать в райотделе столько, сколько мусора

посчитают нужным, без еды и без теплых вещей. Лишь изредка, примерно раз в сутки, когда дежурный выведет его в туалет, задержанный сможет попить воды из-под крана. "Объекту" придется на время позабыть о матрасе, научиться спать на голом полу и привыкнуть жить без таких простых, незаметных и необходимых мелочей, как кусок туалетной бумаги, например.

Некий Суворов в книге "Аквариум" пишет о том, что спецназовцы отрабатывают удары по жизненно важным органам человека на приговоренных к смерти, именуемых "куклами". Я более чем уверен, что это ложь. Во-первых, смертники после длительного нахождения в тюремных камерах ослаблены настолько, что не представляют для профессионалов ни малейшего интереса как спарринг-партнеры. Во-вторых, зачем так усложнять? Ежедневно сотрудники милиции безнаказанно калечат, пытаются и убивают людей. Без суда и следствия. Им глубоко наплевать - виновен "объект" или нет. Им сказали выбить показания и заставить человека признаться - вот они и стараются. Если "объект" женщина - могут и изнасиловать (что нередко и происходит). А чего церемониться? По их логике - раз баба, то наверняка проститутка.

(продолжение предполагается)

КОЗЁЛ НА САКСЕ

Алексей КОЗЛОВ

(главы из новой книги)

"Но все это относится к рациональной стороне науки об импровизации. Существует еще и мистическая сторона. В мировой практике встречаются солисты, обладающие даром гипноза и овладевающие аудиторией по своим собственным законам, заставляя себя слушать и восхищаться их игрой. Я уверен, что такие музыканты, как Никколо Паганини, Джимми Хендрикс или Майлз Дэвис были настоящими экстрасенсами. В принципе, любой солист должен быть в какой-то степени гипнотизером, если не шаманом."

"В джазовой традиции схема пьесы довольно проста. Сперва излагается тема, а затем солисты играют по очереди свои импровизации, используя одну и ту же последовательность аккордов, соответствующую теме. С появлением новых видов джаза - модального, джаз-рока или фьюжн - возникли другие подходы к построению формы. Солисты стали играть импровизации по гармоническим схемам, отличающимся от основной темы, разные солисты стали применять разные схемы в рамках одной пьесы, между солистами стали делаться оркестровые вставки, являющиеся побочными, то есть новыми темами. Таким образом форма произведений в новом джазе значительно усложнилась, приблизившись в некотором смысле к симфонической музыке."

**** * ****

Глава 11. Параллельная жизнь.

(...)

Однажды на одном из таких семинаров произошел курьезный случай. Исследуя особенности проектирования предметной среды, мы нередко обращались к истории

древних культур, рассматривая, как различные народы делали свою жизнь удобнее и красивее, создавая орудия охоты и производства, предметы обихода, одежду, жилище, украшения и многое другое. На одно такое заседание был приглашен к нам в институт один из известных во всем мире эскимологов, специалист по истории эскимосской культуры. За большим столом заседаний собралось человек тридцать сотрудников ВНИИТЭ и приглашенных гостей, чтобы послушать рассказ специалиста о том, как развивалась материальная культура у эскимосов. Нас это интересовало с позиций истории дизайна. Докладчик, типичный ученый, далекий от реальной жизни, ушедший глубоко в историю, увлеченный человек принес с собой большое количество экспонатов. Это были изделия из кости, камня, дерева и ткани, относящиеся к разным периодам эскимосской материальной культуры. На больших бивнях тюленей, например, можно было наблюдать целые эпизоды из жизни эскимосских охотников, изображенные в виде простых рисунков, являющихся разновидностью письменности. Были и миниатюрные изделия из кости, украшенные своеобразным орнаментом. Обо всем этом увлеченно рассказывал наш эскимолог, постоянно извлекая из-под стола принесенные экспонаты и пуская их по рукам, вокруг стола, чтобы все присутствующие могли поближе посмотреть уникальные образцы древней культуры. Так эти вещи, переходя из рук

в руки, возвращались обратно к докладчику. Когда по рукам уже прошли несколько бивней с украшениями, он достал очередной из них и стал комментировать то, что было на нем изображено. Бивень уже двинулся по кругу, а эскимолог совершенно равнодушным тоном заметил, что это, кстати, не бивень, а кость из полового члена моржа, и продолжал рассказ. Эта информация подействовала на присутствующих как электрошок. Во-первых, никто, кроме эскимологов или зоологов, не подозревал о такой редкой подробности из физиологии моржей. Но пикантность ситуации состояла в том, что собравшиеся здесь интеллигентные люди пытались всеми силами не подать вида, что эта подробность вызвала в их душе хоть какую-то реакцию. Это было бы несложно сделать, если бы не одно обстоятельство. Эта самая кость, внешне похожая на бивень и весившая несколько килограммов, только начала свой путь по рукам участников семинара. За столом возникло замешательство. Все стали с повышенным вниманием слушать докладчика, оборотясь в его сторону, чтобы только не смотреть, как эта самая кость переходит из рук в руки и какая при этом возникает реакция, особенно у дам. Невольно иногда кто-нибудь да подглядывал. Жутко хотелось смеяться. Остаться серьезным мне лично было крайне трудно, хотя я с ужасом ждал, что скоро кость дойдет и до меня, и на меня все тоже будут смотреть. Я быстренько передал ее соседу

справа, безо всяких комментариев, испытал, правда, благоговейное чувство перед разнообразием форм природы.

(...)

Заканчивая тему партийности, я хотел бы заметить, что наблюдения за политическими процессами, происходящими сейчас, в конце 90-х годов в российском формально демократическом обществе, открыли для меня некоторые свойства, присущие любой партии. И наиболее характерным из них является стремление к власти. А борьба за власть становится зачастую самоцелью, неважно, какой ценой за все это заплатит народ. Так как КПСС была единственной партией тогда, то борьба, шедшая внутри, и была, по сути дела, движущей силой в процессе развития, то есть деградации, советского общества. А сейчас, если кто-то не может реализоваться как творческая личность, он идет в любую партию и реализует идею борьбы за власть. Несколько лет назад, когда образовывалась новая демократическая партия Егора Гайдара, меня пригласили вступить в ее ряды. Я решил проверить себя и пришел на первый учредительный съезд. Формально, по социальному составу и по декларируемой платформе, у меня не было никаких противоречий внутри. Сам Гайдар вызывал определенную человеческую симпатию, несмотря на все приписанные ему

грехи в связи с обвальными реформами. Идя на это мероприятие, я сказал своей маме, бывшей долгое время членом КПСС и знавшей мое отношение ко всему советскому - "Мама, я иду на партийное собрание". Она страшно удивилась. Но тут же оценила шутку.

И вот я в вестибюле Дома политпросвещения на Трубной площади. Подхожу к столу и получаю сумку с различными брошюрами, значками, авторучкой, пластмассовой биркой "Делегат". Ни одного знакомого лица, кроме Марка Розовского. Пытаюсь понять, что за тип людей здесь собрался, и понимаю, что от большинства исходит та же скука, что-то необъяснимо чуждое мне, как от прежних партийцев. Все заходят в зал. Мы садимся на последний ряд, чтобы при необходимости незаметно выйти. Начинаются речи, прения, и уже обозначается раскол, а значит - зачатки борьбы за власть, даже внутри еще не созревшего организма. Мне становится невыносимо, до боли скучно, и я ухожу домой, чтобы продолжить занятия своими делами. В дальнейшем, когда в различных предвыборных кампаниях стала до конца понятной сущность многопартийной системы и все партии повели себя в принципе одинаково, останется лишь один главный критерий, по которому можно будет отделять овец от волков в овечьей шкуре. Одни партии, в случае прихода к власти, моментально устроят "кровавую баню", физически устраняя главных бывших

соперников. Другие - дадут бывшим соперникам возможность существовать в качестве оппозиции, не прибегая к насилию. Мне это стало понятным, а вот многим избирателям, по-моему, нет, несмотря на всю поучительность истории СССР.

(продолжение предполагается)

ОККУЛЬТНЫЙ МИР

А. Синнет

(выдержки)

Конечно, всякий, кто знаком с искусством иллюзиониста, знает, что имитацию этого "фокуса" способен организовать любой человек, мало-мальски наделенный ловкостью рук. Вы берете два сложенных вместе листка бумаги и в таком виде отрываете уголок, так что неровная линия разрыва на обоих листках будет совпадать. Из одного надорванного листка вы сворачиваете сигарету и кладете туда, где запланировали найти ее в финале. Второй листок вы подкладываете под другой, на сей раз целый, от которого отрываете уголок на глазах у очевидца. Однако вместо этого уголка вы подсовываете зрителю в руку один из уголков, которые оторвали заранее, скручиваете сигарету из оставшейся части листка, затем прячете ее куда угодно и позволяете свидетелю найти ту сигарету, которую вы приготовили загодя. Легко вообразить прочие вариации этого метода; бесполезно доказывать людям,

которым не довелось лично наблюдать, как мадам Блаватская демонстрирует оккультную транспортировку сигареты, что мадам проводит ее совсем не так, как производил бы иллюзионист, и что у зрителя, который не лишен элементарного здравого смысла, не возникает ни тени сомнения в том, что уголок, который ему вручают, действительно был только что оторван (уверенность в этом при необходимости могут укрепить карандашные пометки на бумаге). Однако хотя я и знаю по опыту, что лица посторонние склонны рассматривать маленький феномен с сигаретой как "подозрительный", даже самые проницательные очевидцы никогда не отрицали, что он вполне убедителен. Тем не менее когда речь идет о подобных феноменах, тупость наблюдателя способна обречь на поражение все попытки добиться понимания с его стороны, независимо от того, насколько безупречен был демонстрируемый эксперимент. Сейчас я понимаю это гораздо более ясно, чем в то время, о котором веду рассказ. Тогда я преимущественно беспокоился о том, чтобы эксперименты были по-настоящему совершенны во всех деталях и не оставляли ни малейшей лазейки для подозрений в мошенничестве. Поначалу это требовало от меня самых напряженных усилий, потому что мадам Блаватская была несговорчивым и крайне возбудимым экспериментатором, а если речь шла о более серьезных феноменах, могла

полагаться лишь на благосклонную помощь со стороны Братьев. И я допускал, что Братья, возможно, и сами не совсем четко представляют себе то настроение, с которым люди, принадлежащие к европейской культуре, обычно воспринимают чудеса, подобные тем, с которыми мы имели дело. Поэтому Братья далеко не всегда в полной мере учитывали необходимость создания условий, при которых эксперименты, связанные с демонстрацией феноменов, были бы совершенны и неопровержимы во всех отношениях, вплоть до мельчайших деталей. Конечно же, я знал, что члены Братства не горят желанием убедить обычных людей в чем бы то ни было; но раз уж Братья так часто помогали мадам Блаватской в осуществлении феноменов, не имевших иной цели, кроме как подействовать на умы людей, принадлежащих к внешнему миру, то мне казалось, что в данных обстоятельствах они все же могли бы сделать нечто такое, что исключало бы саму возможность выдвинуть подозрения в мошенничестве.

Поэтому однажды я спросил у мадам Блаватской: если я напишу одному из Братьев письмо с изложением своих взглядов, сумеет ли она отправить это послание? Сам я полагал, что это вряд ли возможно, поскольку знал о том, как недоступны обычно бывают Братья; но так как мадам пообещала попробовать, я написал письмо, адресовав его "Неизвестному Брату", и

передал мадам Блаватской, чтобы посмотреть, выйдет ли из этого что-нибудь. Моя идея оказалась необычайно удачной, ибо это робкое начинание вылилось в самую интересную переписку, в которой я когда-либо имел честь состоять, и я счастлив сообщить, что переписка эта обещает продолжиться. Она составляет *raison d'être** этой книжки в большей степени, нежели любой из оккультных феноменов, которые мне довелось наблюдать, хотя наиболее чудесные из них мне еще только предстоит описать.

Идея, особенно занимавшая мое воображение, когда я писал это письмо, состояла в том, что самым лучшим экспериментальным феноменом, какой только можно пожелать, явилось бы "сотворение" свежего экземпляра лондонской "Таймс" с сегодняшней датой, сделанное здесь, в Индии, прямо у нас на глазах. Я аргументировал это тем, что, имея на руках такое доказательство, я смог бы убедить любого жителя Симлы, способного мысленно связать друг с другом эти два факта, что при помощи оккультного воздействия можно добиться физических результатов, неподвластных обычной науке. Мне жаль, что я не сохранил копии того первого моего письма и писем, следовавших за ним, - ведь это помогло бы мне легко и удобно объяснить содержание ответных посланий; однако в то время я не мог предвидеть грядущее развитие событий. К тому же, в конце концов, те письма, которые я

получал в ходе нашей переписки, представляют основной интерес, а те, которые я отправлял, - лишь минимальный.

Пролетело дня два, прежде чем я что-либо услышал о судьбе своего письма, и тут мадам Блаватская сообщила мне, что я вот-вот получу ответ. Впоследствии я узнал, что в первый раз ей не удалось найти Брата, который согласился бы принять мое послание; те, к кому она обратилась вначале, отказались, заявив, что это для них слишком обременительно. Наконец ее психический телеграф принес ей положительный ответ от одного из Братьев, с которым она некоторое время не поддерживала связи. Этот Брат сообщил, что примет послание и ответит на него.

Услышав об этом, я пожалел, что не написал более пространный текст и недостаточно полно изложил свои взгляды на необходимую уступку. Поэтому, не дожидаясь, когда ответ придет на самом деле, я написал еще одно письмо.

Через день-два я нашел у себя на письменном столе первое письмо от своего нового корреспондента. Сразу поясню здесь, что, как я узнал впоследствии, он родился в Пенджабе и уже в раннем детстве увлекся оккультизмом. В юные годы его отправили в Европу по настоянию родственника, который сам был оккультистом. Там молодой человек постиг знание Запада, а затем получил полное посвящение в более глубокое знание Востока. С

точки зрения обычного самодовольного европейца, это странная перестановка привычного хода вещей, но сейчас у меня нет необходимости прерывать свое повествование ради того, чтобы рассмотреть это соображение.

Я знаю своего корреспондента под именем Кут Хуми Лал Сингх. Это "тибетское мистическое имя": надо полагать, что пройдя посвящение, оккультисты принимают новые имена, - эта практика, несомненно, дала начало обычаям, которые повсеместно и прочно закрепились в ритуалах римско-католической церкви.

Письмо начиналось *in medias res**, с обсуждения предложенного мною феномена. "Эксперимент с воссозданием экземпляра лондонской газеты, - писал Кут Хуми, - неприемлем именно потому, что он заткнул бы рты скептикам. Под каким углом зрения на это ни посмотреть, мир находится пока лишь на первом этапе своего освобождения от рабства... и, следовательно, еще не готов к подобному. То, что мы работаем при помощи естественных, а не сверхъестественных методов и законов, - сущая правда. Но, с одной стороны, поскольку наука, в ее нынешнем состоянии, еще неспособна дать объяснение чудесам, которые во имя нее и совершаются, а невежественные людские массы, с другой стороны, восприняли бы этот феномен как некое чудо, то каждый, кто стал бы очевидцем подобного случая, утратил бы душевное равновесие, что привело бы к плачевным результатам. И поверьте, что

особенно плачевным он окажется для вас, как автора этой идеи, и для той преданной женщины, которая столь безрассудно устремилась в широко открытую дверь, ведущую к дурной славе. Эта дверь, хотя и распахнутая столь дружественною рукою, как ваша, оказалась бы для нее ловушкой, причем ловушкой роковою. А ведь это наверняка не является вашей целью... Стали бы вы призывать нас идти навстречу вашим желанием, если бы знали, какие последствия на вас обрушатся в случае успеха? Неумолимая тень, сопутствующая любым человеческим нововведениям, становится все ближе, но мало кто осознает ее приближение и связанные с нею опасности. Чего же тогда следует ожидать тем, кто предлагает миру новшество, которое, если люди его и оценят, будет приписано тем темным силам, в которые до сих пор верит и которых страшится две трети человечества?.. Успех эксперимента, подобного тому, что вы предлагаете, необходимо тщательно рассчитать; он должен быть основан на доскональном знании людей, которые вас окружают. Он всецело зависит от социального и морального состояния людей, определяющего их отношение к наиболее глубоким и таинственным вопросам, какие только могут занимать человеческий ум, - вопросам божественных способностей человека и возможностей, заключенных в самой Природе. Многие ли из ваших друзей, даже самых лучших, проявляют к этим трудным для понимания

проблемам нечто большее, нежели чисто внешний, поверхностный интерес? Вы можете пересчитать таких людей по пальцам правой руки. Ваш народ похваляется тем, что освободил в этом веке тот дух, который столь долго томился в тесном сосуде догматизма и нетерпимости, - дух знания, мудрости и свободомыслия. Этот народ утверждает, что невежественные предрассудки и религиозный фанатизм, подобно древнему джинну, пойманы соломоном от науки, запечатаны ими в бутылку и покоятся на дне морском, так что уже никогда не смогут вырваться на поверхность и править миром, как было в стародавние времена; что общественное сознание теперь совершенно свободно и готово принять любую истину, которую ему предъявят. Но так ли это, мой уважаемый друг? Знание, основанное на опыте, ведет начало совсем не с 1662 года, когда Бэкон, Роберт Бойль и епископ Честерский, согласно королевской хартии, преобразовали свой "невидимый колледж" в общество поддержки экспериментальной науки. За много веков до того, как Королевское Общество стало реальностью, согласно плану "Пророческой программы", врожденная тяга к сокрытому, страстная любовь к Природе и стремление ее изучить побуждали людей каждого поколения проникать в ее секреты глубже, нежели это делали их ближние. Roma ante Romulum fuit - это аксиома, которой учат в ваших английских школах... Вриль "Грядущей расы" был

привычным достоянием ныне исчезнувших рас. Подобно тому, как сегодня оспаривается само существование наших предков-исполинов (хотя в Химавате*, на той самой территории, которая принадлежит вам, у нас есть пещера, полная скелетов этих гигантов, это ничего не меняет: обнаружив их колоссальные остовы, их неизменно объявляют случайными причудами Природы), так же и вриль, или акаша, как мы называем эту силу, считается чем-то невозможным, мифическим. А может ли наука надеяться объяснить подобные феномены без досконального знания акаши, ее комбинаций и свойств? Мы не сомневаемся в том, что люди западной науки открыты для убеждения, но сначала им нужно продемонстрировать факты; однако для того, чтобы ученые восприняли их именно как факты, эти сведения должны стать их собственным достоянием и поддаваться их методам исследования. Загляните в предисловие к "Микрографии", и вы найдете, что, как вытекает из слов Хукса, самые тесные отношения объектов имели в его глазах меньше веса, нежели их внешнее влияние на разум, и замечательные открытия Ньютона нашли в лице этого ученого своего главного оппонента. Современных Хуксов - великое множество. Подобно этому образованному, но невежественному человеку прошлого, ваши современные ученые стремятся не столько к тому, чтобы установить физическую связь между фактами, которая открыла бы им многие

тайные силы Природы, сколько к созданию удобной классификации научных экспериментов, так что главным качеством, которое требуется научной гипотезе с их точки зрения, является не истинность, а всего лишь правдоподобие.

Вот и все, что известно о науке. Что же касается человеческой природы в целом, она осталась такою же, какою была миллион лет назад. Предрассудки, основанные на эгоизме, всеобщее нежелание отказаться от сложившегося порядка вещей ради нового образа жизни и нового образа мыслей (а оккультные занятия требуют не только всего этого, но и гораздо большего), гордыня и упорное сопротивление истине, если она хотя бы просто опрокидывает привычные представления, - вот характерные черты вашей эпохи... К каким же результатам могут привести даже самые поразительные феномены в случае, если мы дадим согласие на их реализацию? Сколь бы успешными ни оказались эти эксперименты, опасность будет возрастать прямо пропорционально успеху. Вскоре у вас останется только один выбор: продолжать в том же духе и даже *crescendo** или пасть от собственного оружия в бесконечной борьбе с предрассудками и невежеством. От вас потребуют все новых и новых экспериментов, которые придется соответственно организовывать; все будут ждать, что каждый последующий феномен окажется более

удивительным, чем предыдущий. Повседневный опыт подсказывает вам, что от человека нельзя ожидать веры в то, чего он не видел собственными глазами. А хватит ли жизни на то, чтобы убедить скептиков всего мира? Пожалуй, довольно несложно сделать так, чтобы количество уверовавших в Симле возросло до сотен и тысяч. Но как быть с сотнями миллионов тех, кому не удастся стать очевидцами феноменов? Не имея возможности бороться с невидимыми операторами, невежды могут в один прекрасный день выместить свою злобу на видимых экспериментаторах; высшие и образованные классы будут, как всегда, упорствовать в своем неверии, разбивая в пух и прах все ваши аргументы, как это было и раньше. Вместе со многими другими людьми вы порицаете нас за нашу великую скрытность. Однако мы кое-что знаем о человеческой природе, поскольку этому нас научил опыт долгих веков - да, долгих, долгих столетий. И мы знаем, что пока науке есть что изучать, а людские массы еще не избавились в душе от призрака религиозного догматизма, общественные предрассудки следует преодолевать постепенно, шаг за шагом, а не стремительным натиском. Не один Сократ пал их жертвою в седой древности, и туманное будущее породит еще не одного мученика. Освобожденная наука презрительно отворачивалась от взглядов Коперника, возрождавшего теории Аристарха Самосского,

который "утверждал, что земля кругообразно обращается вокруг своего центра", а церковь за несколько лет до того угрожала Галилею сожжением, собираясь принести его в жертву Библии. Роберта Рекорда, самого талантливого математика при дворе короля Эдуарда VI, обрekli на медленную смерть в тюрьме его же коллеги, которые смеялись над его "Твердыней Знаний" и объявили его открытия бесплодными фантазиями... Дела давно минувших дней, скажете вы? Воистину так, однако хроника нашего времени не слишком отличается от хроники предшествующих эпох. Достаточно только вспомнить недавние гонения на медиумов в Англии, сожжение на костре подозреваемых в ведьмовстве и чародействе, имевшее место в Южной Америке, России и на окраинах Испании, и вы поймете: единственным спасением для подлинных знатоков оккультных наук является скептицизм публики, а шарлатаны и обманщики служат естественным щитом для адептов. При этом мы лишь упрочиваем общественную безопасность, держа в секрете ужасное оружие, которое в противном случае могло бы быть использовано против общества и которое, как вы уже отметили, становится смертоносным в руках людей злых и своекорыстных".

(продолжение предполагается)

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая

Email: ttolstaya@hotmail.com

WWW: <http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/>

Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова";
"Иностранка", 2000. — 384 стр.

ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")

ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")

УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз	И краткое	Слово	Ер
Буки	И десятиричное	Твердо	Иры
Веди	Како	Ук	Ерь
Глаголь	Люди	Ферт	Ять
Добро	Мыслете	Хер	Фита
Есть	Наш	Ща	Ижица
Живете	Он	Ци	
Зело	Покой	Червь	
Иже	Рцы	Ша	

ЯТЬ

В Красном Тереме запах такой с плеснецей, - знакомый, волнующий... Ни с чем не спутаешь. Старая бумага, древние переплеты, кожа их, следы золотой пыльцы, сладкого клея. У Бенедикта немножко подкашивались и ослабевали ноги, будто шел он на первое свидание с бабой. С бабой!.. - на что ему теперь какая-то баба, Марфушка ли, Оленька ли, когда все мыслимые бабы тысячелетий, Изольды, Розамунды, Джульетты, с их шелками и гребнями, капризами и кинжалами вот сейчас, сейчас будут его, отныне и присно, и во веки веков... Когда он сейчас, вот сейчас станет обладателем неслыханного, невообразимого... Шахиншах, эмир, султан, Король-Солнце, начальник ЖЭКа, Председатель Земного Шара, мозольный оператор, письмоводитель, архимандрит, папа римский, думный дьяк, коллежский ассессор, царь Соломон, - все это будет он, он...

Тесть освещал дорогу глазами. Два сильных, лунно-белых луча обшаривали коридоры, - пыль то загоралась и плавала в столбах света, то погасала на миг, когда тесть смаргивал, - голова у Бенедикта кружилась от частых вспышек, от запаха близких книжных переплетов и сладковатой вони, шедшей из тестевой пасти, - тот все подергивал головой,

словно его душил ворот. Тени, как гигантские буквицы, плясали по стенам, - "глаголь" крюка, "люди" острого колпака Бенедикта, "живете" растопыренных, осторожных пальцев, ощупывающих стены, шарящих в поисках потайных дверей. Тесть велел ступать тихо, ногами не шуркать.

- Слушай революцию, тудыть!..

Революционеры крались по коридорам, заворачивали за углы, останавливались, озирались, прислушивались. Где-то там, у входа, валялась жалкая, теперь уже бездыханная, охрана: что может бердыш или алебарда против обоюдоострого, быстрого, как птица, крюка!

Прошли два яруса, поднимались по лестницам, на цыпочках пробегали висячие галереи, где сквозь оконные пузыри сильно и страшно светила луна; черными валенками бесшумно пробежали по лунным половицам; раскрылись внутренние, высокие и узорные сени, где похрапывала, - ноги взразвалку, шапки на грудях, - пьяная внутренняя охрана. Тесть тихо заругался: ни порядку в государстве, ничего. Все Федор Кузьмич развалил, слава ему!

Быстро, сильно тыкая, обезвредили охрану.

После сеней опять пошли коридоры, и сладкий запах приблизился, и, глянув вверх, Бенедикт всплеснул руками: книги! На полках-

то - книги! Господи! Боже святой!
Подогнулись колени, задрожал, тихо заскулил:
жизни человеческой не хватит все
перечитать-то! Лес с листьями, метель
бесконечная, без разбору, без числа! А!.. А!!!..
А!!!!!!!!!! А может... а!.. может тут где... может и
заветная книжица!.. где сказано, как жить-то!..
Куда идтить-то!.. Куда сердце повернуть!..
Может, ту книжицу Федор Кузьмич, слава ему,
уже нашел, разыскал да читает: на лежанку
прыг, да все читает, все читает! Вот он ее нашел,
ирод, да и читает!!! Тиран, бля!

- Не отвлекайся! -дохнул в лицо тесть.

Коридоры ветвились, загибались,
раздваивались, уходили в неведомые глубины
терема. Тесть крутил глазами - только книжные
корешки мелькали.

- Должон простой ход быть, - бормотал тесть.

- Где-то тут простой ход быть должон. Быть
того не может... Где-то мы тут сбились...

- "Северный Вестнииииик"!!! Восьмой
номееееееер!!! - завопил Бенедикт. Рванулся,
толкнув Кудеяр Кудеярыча; тот споткнулся,
ударился о стену; падая, уперся рукой; стена
подалась и оборотилась полкой, полка
рухнула и посыпалась, и се, - раскрылась
взгляду палата большая-пребольшая, по стенам
все шкафы да полки, а в палате столы без
счета, книгами завалены, а у главного стола, в
полукольце тысячи свечей, тубарет высокий, а

на тубарете сам Федор Кузьмич, слава ему, с письменной палочкой в деснице; личико к нам оборотил и ротик разинул: удивился.

- Почему без доклада? - нахмурился.

- Слезай, скидавайся, проклятый тиран-кровопийца, - красиво закричал тесть. - Ссадить тебя пришли!

- Кто пришел? Зачем пропустили? - забеспокоился Федор Кузьмич, слава ему.

- "Кто пришел", "кто пришел"! Кто надо, тот и пришел!

- Тираны мира, трепещите, а вы мужайтесь и внемли! - крикнул и Бенедикт из-за тестева плеча.

- Чего "трепещите"-то? - Федор Кузьмич понял, скривил личико и заплакал. - Вы чего делать-то хотите?

- Кончилась твоя несправедная власть! Помучил народ - и будя! Сейчас мы тебя крюком!

- Не надо, не надо меня крюко-ом! Крюком больна-а!

- Ишь ты! Он еще будет жалкие слова говорить! - закричал тесть. - Бей его! - И сам ударил наотмашь. Но Федор Кузьмич, слава ему, горошком скатился с тубарета и отбежал, так что попал тесть по книге, и книга та лопнула.

- Зачем, зачем вы меня ссаживаете-е-е-е?

- Плохо государством управляешь! - закричал тесть страшным голосом. Бросился с крюком к Набольшему Мурзе, долгих лет ему

жизни, но Федор Кузьмич, слава ему, опять нырнул под тубарет, оттуда под стол, и перебежал на другую сторону горницы.

- Как умею, так и управляю! - заплакал с той стороны Федор Кузьмич.

- Развалил все государство к чертовой бабушке! Страницы из книжек выдираешь! Лови его, Бенедикт!

- У пушкина стихи украл! - крикнул тоже и Бенедикт, распаляя сердце. - Пушкин - наше все! А он украл!

- Я колесо изобрел!

- Это пушкин колесо изобрел!

- Я коромысло!..

- Это пушкин коромысло!

- Я лучину!..

- Вона! Еще упорствует...

Бенедикт бросился ловить Федора Кузьмича с одной стороны стола, тесть кинулся в обход с другой стороны, а Набольший Мурза, долгих лет ему жизни, опять нырнул под стол и перебежал назад.

- Не трогайте меня, я добрый и хороший!

- Юркий, гнида! - закричал тесть. Рукой о стол оперся и прыгнул, прямо одним прыжком столешницу перемахнул. Федор Кузьмич, слава ему, визгнул, порскнул под шкаф и забился там в глубину куда-то.

- Лови его! - хрипел тесть, шаря и тыкая крюком под полками. - Уйдет! Уйдет! У него тут ходы всюду прорыты!

Бенедикт подбежал на подмогу. Вместе, мешая друг другу, тыкали крюками, шарили, запыхались.

- Чего-то держу, вроде попался... Ну-к, ты помоложе, нагнись погляди... Не подцепить никак... Он, нет?..

Бенедикт встал на четвереньки, завернул голову под шкаф, - темно, клочья какие-то.

- Не видать ничего... Кудеяр Кудеярыч, вы бы посветили!

- Выпустить боюсь... Ну-ка, крюк перехвати у меня... Ч-черт, не пойму...

Бенедикт перехватил крюк; тесть встал на карачки, пустил под шкаф свет, кряхтел .

- Пылишша... Не видать ничего... Пылишшу развел...

Под крюком дернулось, вроде как одежда треснула, Бенедикт тыкнул с поворотом, но поздно: туку-туку-туку, - мелкие шажочки перебежали вдоль стены за полками куда-то вглубь палаты.

- Упустил, чорт! - крикнул тесть с досадой. - Учил ведь тебя, учил!

- А чего всегда я!.. Вы сами за одежду зацепили!

- Придавить надо было! Где он теперь... А ну, выходи, Федор Кузьмич! Выходи по-хорошему!

- Нечестно, нечестно! - крикнул Федор Кузьмич, слава ему, из-под полок.

- Там он! Давай!

Но Федор Кузьмич опять перебежал.

- Не надо меня ловить, маленького такого!..

- Тыкай!.. Тыкай сюда, тудыть!..

- Почему настаиваете?.. Уходите отсюда! - пискнул Федор Кузьмич из третьего места.

- ...Плохие люди! - крикнул из четвертого.

Тесть озирался, Бенедикт озирался, вытянув шею, склонив голову, - вот шуркнуло под дальним шкафом; повернул голову к дальнему шкафу; вот прошелестело под полками; мягким длинным прыжком Бенедикт прыгнул к полкам; если закрыть глаза, звуки лучше слышно; закрыл глаза, поводит головой из стороны в сторону; еще бы уши прижать, - совсем хорошо бы: ноздри раздулись, - можно и по запаху... где он пробегает, там его запах... Вот он!

- Вот он! - крикнул Бенедикт, прыгая, наваливаясь и крутя крюком; под крюком пронзительно, тонко завизжало. - Держу-у-у-у!

Лопнуло что-то; звук такой тихий, но отчетливый; на крюке напряглось и обмякло. Бенедикт крутанул и выволок из-под полки Набольшего Мурзу, долгих лет ему жизни. Тельце чахленькое, а сколько возни было. Бенедикт сдвинул колпак, обтер рукавом нос. Смотрел. Видать, хребтина переломилась: головка набок свернута, и глазки закатимши.

Тесть подошел, тоже посмотрел. Головой покачал.

- Крюк-то запачкамши. Прокипятить придется.

- Ну, а теперь чего?

- А счисть его вон хоть в коробку.

- Руками?!

- Зачем руками? Боже упаси. Вон бумажкой давай. Бумажки-то тут полно.

- Э, э, книги не рвите! Мне читать еще!..

- Тут без букв. Картинка одна.

Тесть вырвал портрет из книжки, свернул кульком, руку просунул и счистил Федора Кузьмича, слава ему, с крюка. И крюк обтер.

- Так вот, - бормотал тесть. - Никому тиранить не дозволено! Ишь, моду взяли: тиранить!

Бенедикт что-то вдруг устал. В висках заломило. А потому что нагибался с непривычки. Сел на тубарет отдышаться. На столе книг куча понаразложена. Ну, все. Все теперь его. Осторожно открыл одну.

«Весь трепет жизни, всех веков и рас,
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.»

Стихи. Захлопнул, другую листанул.

«Кому назначен темный жребий,
Над тем не властен хоровод.
Он, как звезда, утонет в небе,
И новая звезда взойдет.»

Тоже стихи. Господи! Боже святой. Сколько
еще всего не читано! Третью открыл:

Каким ты хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?

Четвертую:

Всё ли спокойно в народе?
- Нет. Император убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.

Чего-то все про одно. Видно, тиран себе
подборочку готовил. Открыл пятую, из которой
портрет-то попортимши об Федора Кузьмича,
слава ему:

На всех стихиях человек -
Тиран, предатель или узник.

Тесть вырвал книгу у Бенедикта, бросил.
- Занимаешься чепухой! Сейчас о государстве
думать нужно!

- А, о государстве?.. А чего?

- Чего! Мы с тобой государственный
переворот сделали, а он: чего. Порядок
наводить нужно.

Бенедикт оглянул палату: верно, всё
перевернуто, тубареты кверху днищем, столы
сдвинуты, книжки валяются как ни попадя, с

полок попадамши, пока они за Набольшим Мурзой, долгих лет ему жизни, бегали. Пыль оседает.

- Дак чего? Холопов прислать, - и приберут.

- Вот то-то ты и есть шеболда! Духовный, духовный порядок нужен! А ты о земном печешься! Указ надо писать. Когда государственнй переворот делают, всегда указ пишут. Ну-к, бересту чистенькую мне подыщи. Тута должна быть.

Бенедикт порыскал по столу, подвигал книжки. Вот свиток почти чистенький. Видать, Федор Кузьмич, слава ему, только писать начал.

«Указ.

Вот как я есть Федор Кузьмич Каблуков, слава мне, Набольший Мурза, долгих лет мне жизни, Секлетарь и Академик и Герой и Мореплаватель и Плотник, и как я есть в непрестанной об людях заботе, приказываю.

-- Тута у меня минутка свободная выдалась, а то цельный день без продыху.

Вот чего еще придумал для народного бла...»

А дальше только черта да клякса: тут мы его, знать, и спугнули.

- Так. Ну-ка, давай, чего тут?.. Это все позачеркни. Пиши, у тебя почерк лучше: Указ Первый.

Указ Первый.

1. Начальник теперь буду я.
2. Титло мое будет Генеральный Санитар.
3. Жить буду в Красном Тереме с удвоенной охраной.
4. На сто аршин не подходи, кто подойдет - сразу крюком без разговоров.

Кудеяров

Подскрипtum:

Город будет впредь и во веки веков зваться Кудеяр-Кудеярычск. Выучить накрепко.

Кудеяров

Бенедикт записал.

- Так. Покажи, что вышло. "Кудеяров" надо крупнее и с завитком. Зачеркни. Перепиши давай, чтоб фамилия большими буквами, эдак с ноготь. После "в" давай крути так кругаями вправо-влево, вроде как петлей. Во. Ага.

Тесть подышал на бересту, чтоб подсохло; полюбовался.

- Так. Чего бы нам еще?.. Пиши: Указ Второй.

- Кудеяр Кудеярыч! Вы укажите, чтоб праздников больше.

- Эка! Подход у тебя какой негосударственный! - осерчал тесть. - Указ

**подписан? Подписан! Вступил в силу? Вступил!
Вот и зови меня: Генеральный Санитар.
Обращайся как положено. А то позволяешь себе.**

- А добавка? Заклинание-то?

**- А, добавка... Добавка... А давай так:
"жизнь, здоровье, сила". Генеральный Санитар,
жизнь, здоровье, сила. Впиши там. Так... Тебе
тоже надо... Хочешь быть Зам-по-обороне?**

- Я хочу Генеральный Зам-по-обороне.

- Это что, уже подсиживать?! - закричал тесть.

- Подсиживать, да?!

**- Да при чем тут? Вот вечно вы, прям как я
не знаю кто! Ничего не подсиживать, а просто
красиво: Генеральный!**

**- А еще б не красиво! А только двум сразу
нельзя! Генеральный всегда только один! А ты,
хочешь, - будь Зам-по-обороне и морским
делам.**

- По морским и окиянским.

- Да хоть каким. Давай дальше. Указ Второй.

- Праздников, праздников побольше.

**- Вот опять негосударственный подход!
Перво-наперво гражданские свободы, а не
праздники.**

- Почему? Какая разница?

**- Потому! Потому что так всегда революцию
делают: спервоначала тирана свергнут, потом
обозначают, кто теперь всему начальник, а
потом гражданские свободы.**

Сели писать, шурша берестой. За окном начало светать. За дверями слышался шорох, переговоры шепотом, возня. Постучали.

- Ну, кто лезет? Чего надо?!

Ввалился холоп с поклоном.

- Там это... делегация представителей, спрашивают: ну как?

- Каких представителей?

- Каких представителей? - крикнул холоп, оборотясь в сени.

- Народных! - крикнули глухо из сеней. Вроде, Лев Львович крикнул. Вот не успели тирана ссадить, как уже ходоки досаждают. Прослышали, стало быть. Ну, люди! Ну ни минуты покоя!

- Народных каких-то.

- Скажи: революция состоялась благополучно, тиран низложен, работаем над указом о гражданских свободах, не мешать, разойтись по домам.

- Про ксероксы не забудьте! - крикнули из сеней.

- Он мне еще указывать будет! Кто освободитель? Я! Гнать его в шею, - рассердился тесть. - Дверь закрой и не пускай никого. Мы тут, понимаешь, судьбоносные бумаги составляем, а он под руку суется. Давай, Зам. Пиши: Указ Второй.

- Написал.

- Так... Свободы... Тут у меня записано... памятка... не разберу. У тебя глаза помоложе, прочти-ка.

- Э-э-э... Почерк какой корявый... Кто писал-то?

- Кто-кто, я и писал. Из книги списывал. Консультировался, всё чтоб по науке. Читай давай.

- Э-э-э... свобода слева... или снова... не разберу...

- Пропусти, дальше давай.

- Свобода... вроде собраний?

- Покажи-ка. Вроде так... Ну да. Значит, чтоб когда соберутся, чтоб свободно было. А то набьется дюжина в одну горницу, накурят, потом голова болит, и работники с них плохие. Пиши: больше троих не собираться.

- А ежели праздник?

- Все равно.

- А ежели в семье шесть человек? Семь?

Тесть плюнул.

- Что ты мне диалектику тут разводишь? Пущай тогда бумагу подают, пеню уплатят, получают разрешение. Пиши!

Бенедикт записал: "больше троих ни Боже мой не собираться".

- Дальше: свобода печати.

- Это к чему бы?

- А должно, чтоб старопечатные книги читали.

Тесть подумал.

- Можно. Хрен с ними. Теперича без разницы. Пущай читают.

Бенедикт записал: "старопечатные книги читать дозволяется". Подумал и приписал: "но в меру". Так и Федор Кузьмич, слава ему, всегда

указывал. Еще подумал. Нет, все-таки как же получается: это каждый бери да читай? Свободно

доставай из загашника, раскладывай на столе, а там, может, пролито чего али напачкано? Когда книгу читать запрещено, так каждый свою бережет, чистой тряпицей оборачивает, дыхнуть боится. А когда дозволено читать, так, небось, и корешок перегибать будут, а то листы вырывать! Кидаться книгами вздумают. Нет! Нельзя людям доверять. Да чего там: отобрать их и все дела. Прочесать городок, слобода за слободой, дом за домом, перетряхнуть все, книжки изъять, на семь засовов запереть. Неча!

Вдруг почувствовал: понимаю государственный подход!!! Сам, без указа, - понимаю!!! Ура! Вот что значит в Красном Тереме сидеть! Бенедикт расправил плечи, засмеялся, высунул кончик языка и аккуратненько перед "дозволяется" приписал "не".

- Так... Свобода вероиспо- ... испо-... исповедания .

Тесть зевнул.

- Да чего-то надоело. Хватит свобод.

- Тут еще немного.

- Хватит. Хорошенького понемножку. К обороне переходим. Пиши: Указ Третий.

Провозились с обороной до полудня. От тещи присылали спросить, когда они домой-то пожалуют: обед простыл. Велено было блинов

да пирожков подать в Красный Терем, квасу бочку, свечей. Бенедикт, как Зам-по-обороне и морским и окиянским делам, увлекся: интересно. Порешили обнести городок забором в три ряда, чтобы от чеченцев сподручнее было обороняться. Поверху забора на двадцати четырех углах возвести будки, и в те будки дозор поставить, чтоб днем и ночью в обе стороны зорко наблюдали. На четырех сторонах ворота поставить тесовые. Ежели кому в поля пройти надо - репу садить али снопы вязать, - получить в конторе пропуск. С утра по пропуску выйдешь, вечером - назад. Холопы в пропуске дырку провертят, али, как тесть выразил, проконпастируют, и имечко впишут: пропущен, дескать, такой-то, десятину сдал. А еще, - мелькнуло у Бенедикта, - этот забор против кыси оборона. А построить его высоким-превысоким, и не пройдет она. А внутри забора ходи куда хочешь и свободой наслаждайся. Покой и воля. И пушкин тоже так сочинил.

Да! Потом еще оборонить пушкина от народа, чтоб белье на него не вешали. Каменные цепи выдолбить, и с четырех сторон вокруг него на столбах расположить. Сверху, над головкой - козырек, чтоб птицы-блядуницы не гадили. И холопов по углам расставить, дозор ночной и дозор дневной, особо. В список дорожных повинностей добавить: прополка народной тропы. Зимой чтоб тропку расчищали, летом можно цветками колокольчиками

обсадить. Укроп запретить в государстве, чтоб духу его не было.

Еще посидел, еще подумал, рассердился: пушкин - это ж наше все! А Бенедикт, тем более, зам по морским и окиянским. Вот что надо сделать: выдолбить ладью большую, да с палками, да с перекрестьями, вроде корабля. У речки поставить. И пушкина наверх вторнуть, на самую на верхотуру. С книгой в руке. Чтобы выше александрийского столпа, и с запасом. Пущай стоит там крепко и надежно, ногами в цепях, головой в облаках, личиком к югу, к бескрайним степям, к дальним синим морям.

- Пушкина моего я люблю просто до невозможностей, - вздохнул Бенедикт.

- Больше меня? - нахмурился тесть. - Смотри у меня! Пиши: Указ Двадцать Восьмой. "О мерах противопожарной безопасности".

(продолжение предполагается)

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

38

Данилов вернулся в Четвертый Слой. Ничто здесь не изменилось. Данилов заглянул в платяной шкаф. Все его земные вещи были на месте. "Ну и ладно", — сказал Данилов. Налил в стакан из графина, жидкость опять показалась теплой, противной. Данилов хотел было заказать напитки, но посчитал, что одними напитками они от него не отделаются. Стрелки на ходиках следовало перевести. Они торопились к ужину, а судя по всему, время в Девяти Слоях шло лишь к обеду. Данилов уже завтракал и обедал. Теперь надо было приставать к общему порядку. Так что же, опять обедать? Опять давиться стылыми сосисками? Данилов испугался. Однако вскоре отважился на дерзость. Не испрашивая меню обеда, он отослал в службу питания мысленный заказ и в том меню назвал и пиво, и коньяк, и солянку, и свиной бок на углях, и черный кофе, и апельсины на десерт. Прикатил столик из

вагона-ресторана, были на нем — селедка с горошком, борщ с двумя кусками сала, сосиски с горошком и лимонный напиток. Стало быть, его поставили на место. "У, скупердяи!" — выругался Данилов. Средствами музыки. А так и виду не подал, что огорчен.

Отобедав, Данилов из упрямства решил поискать удачи здесь же, в Четвертом Слое. Все-таки это был Слой Гостеприимства и прежде имел достаточно баров, харчевен, тратторий, пабов, забегаловок с музыкальными аппаратами, не говоря уж о буфетах и рюмочных.

Все это и теперь никуда не исчезло. Не истошилось и не было нынче осчастливлено санитарными делами. Данилов не без робости заглянул в знакомые ему заведения. Испытывал судьбу — не покажут ли ему пальцем на дверь, не вышвырнут ли подальше, не прихлопнут ли скалкой. Нет, не вышвыривали и не прихлопывали. Тогда Данилов стал выбирать. Во-первых, потому, что он мог (так он считал) разрешить себе выбирать. И потому, что многие блюда и бутылки, чьи ароматы, соки, запахи и букеты когда-то привлекали юного Данилова, теперь совсем не нравились ему. В частности, Данилов нынче нос воротил, проходя мимо заведений с историческими кушаниями. Всякие настойки из сушеных мокриц, ядовитые варева, каши из протертых кактусов, маринованные ляжки гигантских пауков, булыжники в зеленой простокваше Данилову были чуть ли не

противны. К тому же во многих заведениях надо было расплачиваться наличными. В конце концов Данилов выбрал скромный мясной буфет, где можно было тихо посидеть в кредит. Он вошел в буфет и сразу увидел Кармадона.

Кармадон сидел с тремя незнакомыми Данилову демонами возле самой стойки за тяжелым, грубо тесанным столом. Впрочем, здесь все столы были из пористого туфа, грубо отесанные. Данилов чуть было не выскочил из буфета, однако успел подумать: "Что же это я?" Степенно сел за свободный стол, — правда, достаточно далеко от Кармадона. Сколько заведений он мысленно отклонил, мимо скольких буфетов прошел в сомнениях — и вот выбрал именно этот. Но отчего он растерялся, отчего теперь, хотя и вынудил себя присесть за стол, все еще готов был бежать отсюда? Ведь совсем недавно сам искал Кармадона — и вот он, Кармадон. "Сиди! — сказал себе Данилов. — Раз зашел". И он сидел.

Сидел он (если брать нынешнюю их с Кармадоном ситуацию) удобнее, нежели Кармадон: тот мог его и не заметить. От этого Данилов испытывал чувство неловкости. Сам же он то и дело посматривал на лицейского приятеля. И не было у Данилова острой неприязни к нему. Что же теперь с Кармадоном, думал он. На некоторые соображения его наводило то обстоятельство, что аристократ Кармадон, ас со спецзаданием, прежде выбиравший для отдыха и встреч с друзьями

места роскошные, нынче сидел в захудалом мясном буфете.

"А вдруг, — испугался Данилов, — здесь теперь железнодорожная кухня! Вот Кармадон и ходит сюда!" Это подозрение Данилова расстроило. Данилов поводил пальцами над розовым камнем, словно над музыкальным аппаратом Термена, вызывая из кухни блюда. Прежде в буфете кормили не только мясом, случалась здесь и рыба, и Данилов заказал: "Икра минтая вяленая, 1—150, яснычковая". Икра поступила. На Земле Данилов не пробовал вяленой, яснычковой икры минтая, но теперь на память ему пришло огненное кольцо, вспыхнувшее над бесновавшейся толпой в Колодце Ожидания; он и пожелал икру. Икра лежала на тарелке твердой плиткой — видно, была прессованная. Данилов отгрыз кусок и обрадовался: икра была вполне сносная, пусть и прилипала к зубам на манер ирисок; соленая, к ней кстати было бы пиво. Данилов распорядился насчет "Хейникебир" и "Радебергера". Кружки возникли запотевшие и в пене. Голландское пиво было точно голландское, "Радебергер" же ему подменили пльзенским, апольдского завода. "Ну и ладно, — благодушно подумал Данилов. — Может быть, у них и нет на складе "Радебергера". Да ведь и "Радебергер", если разобраться, — типа пльзенского..." Данилов вспомнил, что Апольда — под Веймаром. Там Гете, соскочив с лошади, командовал когда-то тушением пожара.

"Хорошо! — умилялся Данилов. — Разве дали бы арестанту, обреченному — пиво и икру!" И повторял заказы. Он как будто бы даже забыл о Кармадоне. Хотя, конечно, все время видел его. Кармадон сидел к Данилову боком, тихий и суровый, жевал что-то. И соседи Кармадона по столу тоже серьезно жевали.

— Можно присесть? — услышал Данилов.

— Пожалуйста, — кивнул Данилов.

— Ба, да это Данилов! — сказал присевший. — Здравствуйте!

— Здравствуйте, — неуверенно произнес Данилов.

— Какими судьбами?

— Обыкновенными... — замялся Данилов. Он все соображал, кто это перед ним.

Внешность присевшего казалась знакомой. Одет он был в европейский шерстяной костюм, но на голове имел белый капюшон от бедуинского плаща ("бурнуса, что ли, — вспоминал Данилов, — или убруса..."). Лицо присевшего капюшон чуть ли не скрывал, но было заметно, что части его лица существуют сами по себе и могут меняться местами. Кто же это, думал Данилов. Не из лицейских ли знакомых? Ясно, что не их выпуска, но, может быть, старшего? Или младшего?

— Нет, я не из лицейских, — сказал демон. — Куда мне до лица. Я мельче... Мы с вами встречались на курсах по повышению личных свойств... Вы делились наблюдениями... Я тоже с Земли... Тружусь в аравийских пустынях...

— Ах, да, да, — сказал Данилов. — Я вспомнил вас...

Он вспомнил на самом деле. Даже имя собеседника было когда-то знакомо Данилову, то ли Ураэл, то ли Ураил...

— Уграэль, — сказал демон.

— Да, да, — согласился Данилов. — Уграэль...

— Вы сюда с отчетом или за инструкциями?

— С отчетом, — быстро сказал Данилов и оглянулся.

— Ну да, — кивнул Уграэль и, как показалось Данилову, усмехнулся: мол, знаю, с каким отчетом.

— Вы здесь давно?

— Порядочно, — сказал Уграэль. — Я по вызову.

— И приятный повод, если не секрет?

— Хороший повод, — важно сказал Уграэль.

В это мгновение Кармадон, опустивший на стол бокал с черной жидкостью, повернул голову, и Данилов увидел правую сторону его лица, дотоле от Данилова скрытую; она была перекошена, словно Кармадона хватил паралич, пусть и не самый решительный, да так и не отпустил. "Экая гримаса неприятная!" — удивился Данилов и даже расстроился. Он-то знал, отчего перекосило лицо Кармадона, но прежде полагал, что всё давно выправлено. Кармадон опять повернул голову, похоже, так и не заметив Данилова, не ощутив его присутствия.

— Страдает, — сказал Уграэль чуть ли не с удовольствием.

— Кто? — спросил Данилов.

— Кармадон. Вон как его скривило.

— Но, может быть, на задании? — сказал Данилов.

— На задании! — усмехнулся Уграэль. — Если бы на задании, так его бы давно починили! Да и в звании могли бы повысить. А тут вон куда бросили! Даже стал ходить в этот буфет, — бывший-то ас со спецзаданием!

— А куда?

— Что куда?

— Куда его бросили?

— Да вы что?.. — удивился Уграэль. — Вы разыгрываете меня? Все ведь знают. А вы были приятели.

— Я только из Москвы...

— Из Москвы! — опять усмехнулся Уграэль.

— Из Москвы, — хмуро и твердо сказал Данилов.

— И что же, вы не знаете, что Кармадона разжаловали из асов и бросили в микрокосмос на элементарную частицу?

— Нет, не знаю, — искренне сказал Данилов.

— Ну, так вот, бросили.

И тут же Данилов вспомнил видение в Колодце Ожидания. Был он усушен в немыслимое количество раз и помещен вовнутрь ничтожной крупинки. Там, среди спиралей микрогалактик, каких-то кристаллических сеток, построений ледяных шаров и игл привиделся ему

космический корабль и сверкнуло лицо Кармадона. Выходит, не зря сверкнуло. Но тогда лицо Кармадона было гордым, надменным, такой Кармадон на самом деле вряд ли бы зашел в мясной буфет.

— Ну и что же, — сказал Данилов, помолчав, — и там работа ответственная, там сложная работа...

— Сложная, — согласился Уграэль. — Просто ювелирная. И все же вы меня разыгрываете!

— Нет, нисколько... Мы теперь не так близки с Кармадоном, как в юные годы.

— Может быть... Конечно, я понимаю, в ту пору, когда Кармадон был блестящим асом со спецзаданием, он мог такими, как мы с вами, и брезговать... Но теперь-то?

— Я его только что увидел, — сказал Данилов. — Я не думал, что он в Девяти Слоях. Лиц, что сидят с ним, я не знаю, нарушить их беседу было бы неприличным. Но вид его меня поразил. Что произошло с ним?

"Зачем я оправдываюсь?" — отругал себя Данилов. Он понимал, что и не следовало бы расспрашивать (лукавить при этом) случайного собеседника, неизвестно зачем вызванного в Девять Слов из аравийских пустынь, о несчастье Кармадона, но и удержать в себе вопрос Данилов не смог. В глазах Уграэля опять была усмешка, он словно бы давал понять: мол, я-то знаю, как вы не знаете.

— Я и сам не слишком информирован, — сказал Уграэль, — Кармадон никогда не удостоивал меня беседы... Кто я для него? Мелочь... Был.

Он сделал ударение на этом "был" и опять со значением поглядел на Данилова. Может, сюда Уграэль прибыл с надеждой на продвижение, а тут надежду его укрепили, вот ему и не терпелось намекнуть об этом хотя бы Данилову?

— Я знаю обо всем с чужих слов. А это что же? Слухи. Сплетни... Будто имел Кармадон приключение... Вовсе не связанное с делом... А этакое... лирическое... Он оконфузился. Тогда его и скривило. А вы сами знаете, что в таких случаях ран и повреждений не отменяют. К тому же, говорят, Кармадон нарушил правила... Стало быть, замарал честь. Покровители и родственники сделать для него ничего не смогли. Проигравший, опозоренный — разве мог он оставаться асом со спецзаданием? Сами посудите. Теперь он демон десятой статьи.

— Десятой? — не поверил Данилов.

— Десятой. И служит на элементарной частице.

Возле Уграэля на столе возникла бутылка имбирной настойки, и на тарелке — кусочки сухого бамбука, словно от распиленной лыжной палки. "Видимо, надоело ему все аравийское..." — подумал Данилов. Уграэль пожелал угостить Данилова имбирной, но Данилов, любезно

поблагодарив Уграэля, вызвал кружку светлого пива.

— И вы знаете, — сказал Уграэль, — никаких официальных разборов, пусть даже и закрытых, приключения Кармадона не было. Просто его разжаловали и послали в микрокосм. Говорят, он не подавал апелляций. Да и что тут подавать?.. Обидно! Из-за какой-то юбки...

Тут левый глаз Уграэля опустился к краешку его губ, расширился и уставился на Данилова в некоем ожидании. Откровений Данилова, может быть, ожидал он?

— Да, — сказал Данилов. — Печальная история.

Глаз Уграэля вернулся на место и скромно смотрел теперь в рюмку имбирной. Этот чистенький демон в бедуинском капюшоне, видимо, многое знал. Раз имел сведения насчет юбки, то, наверное, был наслышан и об участии Данилова в приключении Кармадона. Сейчас же он (может, и с намерением) разыгрывал из себя наивного провинциала. Но вдруг Данилов ошибался?

— Ну, как у вас в Москве? — спросил Уграэль.

— Что вас интересует?

— Меня многое интересует, — сказал Уграэль.

— Климат, условия быта, напитки, курево...

Тут он осекся, словно испугался, словно сообразил, что проговорился, что своими вопросами он выдает нечто такое, о чем следует промолчать. Данилов с интересом поглядел на Уграэля. Что далась ему Москва?

— По сравнению с аравийскими пустынями в Москве прохладно, — сказал Данилов, — рядом Ледовитый океан.

— Да, да, я знаю, — быстро сказал Уграэль.

— А насчет курева... Вас что интересует? Сигареты, папиросы, трубочные табаки? Или анаша?

— Нет, я это так, к слову... — смутился Уграэль.

— Я не курю... Извините, я спешу по делу... Желаю вам отчитаться, — сказал Уграэль.

— Спасибо, — холодно кивнул Данилов.

— Может, еще и встретимся. А может быть, и нет, — сказал Уграэль, и тут уши его наползли на глаза; неприятно, даже зловеще Уграэль смотрел на Данилова. А потом исчез.

"Нет, и вправду он что-то знает? — забеспокоился Данилов. — Он явно валял передо мной дурака. И что он расспрашивал о Москве? Похоже, что не из вежливости... Хорошо хоть мой театр его не занимал..." Данилов чувствовал, что своей прощальной гримасой Уграэль испортил ему настроение. В раздражении пребывал теперь Данилов.

Он утолил жажду, был сыт, ему следовало уходить. Но куда? Опять в свою комнату, в свою келью, в свою камеру? И зачем уходить? Из-за боязни столкновения с Кармадоном? Но что его

бояться, думал теперь Данилов. Совсем недавно он был готов бежать из мясного буфета, сейчас же он сидел чуть ли не обиженным на Кармадона: тот его не замечал. Раздражение, вызванное Уграэлем, он словно бы перенес на Кармадона. Данилову хотелось выкинуть нечто такое, что привлекло бы внимание Кармадона к нему. Данилов занимался пошлым делом — после принятия ячменных напитков потягивал коньяк (будто протестуя против чего-то). И хмуро смотрел на стол Кармадона.

Кармадон обернулся. Он что-то говорил собеседникам, что-то доказывал им и, обернувшись, замолчал, замер. Потом, словно пришел в себя, стул передвинул, спину показал Данилову и, видно, продолжил разговор.

В том, что Кармадон заметил его, Данилов не сомневался. Обратили внимание на Данилова и демоны, сидевшие с Кармадоном. Они то и дело посматривали теперь на него. Но вряд ли вели с Кармадоном о нем речь.

А Кармадон больше не оборачивался. Данилов нервничал. Он отставил коньяк. Всё в буфете раздражало его. "Он меня даже не желает замечать! — горячился Данилов. — Не выказывает презрения, ни злобы, ни обиды. Ну как же! Он — аристократ, он хоть и пониженный в чине, хоть и ущемленный, а все равно — демон главной последовательности!" Что-то распирало Данилова, личность воспитанную и скорее мирную, что-то неприятное мучило его,

вот-вот готово было подтолкнуть к скандалу, совершенно бессмысленному и уж, конечно, вредному для него, скандалу (Данилов уже предчувствовал это) противному, бабьему, возможно истеричному, с битьем сосудов. "Я сам подойду к нему! — разжигал себя Данилов. — Я потребую объяснений, где Синезуд и где Бек Леонович..."

Соображение о домовом Беке Леоновиче явилось Данилову на ум (или было подсказано ему) кстати, и Данилов ухватился за него. Он теперь уверял себя, что именно из-за Бека Леоновича он и намерен подойти к Кармадону и, если потребуют обстоятельства, на самом деле надерзить тому, предпринять нечто решительное. Судьба Бека Леоновича несомненно волновала Данилова, его не покидало ощущение вины, но сейчас причиной стремления подойти к Кармадону, хотя Данилов и не желал себе признаться в этом, было иное. А что иное, он и сам не мог бы сказать. Будто причина эта существовала независимо от Данилова.

Данилов встал и подошел к столу Кармадона.

— Извините, но я вынужден обратиться к вам...

Кармадон Данилова будто бы не видел, но собеседники его смотрели на Данилова с интересом и, возможно, ждали зрелища.

— К сожалению, мне приходится нарушать приличия, но я не нахожу иного выхода...

— Вы к нам ко всем обращаетесь, — спросил демон в берете с рысьими ушами, — или кого-то имеете в виду особенно?

— Я хочу задать вопрос Кармадону, и его право решать, в обществе он желает выслушать меня или в одиночестве?

— Мне все равно, — сказал Кармадон.

— Где Бек Леонович?

— Кто? — удивился Кармадон.

— Бек Леонович. Домовой из Останкина.

— А-а, — вспомнил Кармадон, тут же сказал надменно: — К сожалению, ничем не могу удовлетворить ваш интерес.

— Но он был отправлен в известном лишь вам направлении... Именно вы его и отправили... А я давал ему гарантии безопасности... Его следует вернуть.

— Это мне теперь не под силу, — сказал Кармадон.

— А кому под силу? — не мог унять Данилов.

— Не знаю. Но думаю, что и не вам.

Данилов вдруг почувствовал, что запал его исчез и говорить ему нечего. Какой тут скандал, какие решительные выражения, да и зачем они? Жалким он стоял перед столом Кармадона, и с каждой секундой его положение становилось все более нелепым, выходка его превращалась в фарс. А собеседники Кармадона все еще смотрели на него в ожидании пассажа. Но пассаж и так вышел! Кармадон же, хоть и изуродованный, сидел попрежнему надменный

и спокойный и будто бы держал у глаза ледяной монокль.

— Что же, — сказал Данилов, — придется мне хлопотать о возвращении Бека Леоновича.

Тут он откланялся.

Теперь-то ему, точно, следовало уйти из буфета, а он не смог, вернулся к своему столу, сел спиной к Кармадону. "Какая глупость! — думал Данилов о своем походе к Кармадону. — Бабья глупость! Вот сам и принял позор. И поделом!" Безрассудным и некорректным по отношению к Кармадону было упоминание при публике имени останкинского домового. И шепотом-то, на ухо Кармадону, его нельзя было произносить. Ведь он, Данилов, ничего не знал. Ничего, кроме того, что Кармадона разжаловали и следы конфуза оставили на его лице. А как всё было сделано, при каких словах, записях и аттестациях, это Данилову было неизвестно. Как он мог проявлять себя базарной личностью, крикливой торговкой солеными огурцами, у которой взяли из кадки овощ и ушли, не расплатившись! А овоща-то вдруг и не брали... Ему было стыдно и противно.

Так сокрушался Данилов, сидя в буфете. Теперь ему казалось, что намерен был буянить совсем другой, но не он. "Может быть, это все подстроили они, — думал Данилов, — исследователи?" Тогда, значит, он потерял самоуправление, расслабился и дал возможность исследователям направлять его действия в созданной ими ситуации. В этом

тоже было мало приятного. Пусть не вышло крепкого скандала, но кое о чем они узнали, о Беке Леоновиче хотя бы. Нет, и выпив хорошего пива, сказал Данилов себе, что он не имел права забывать о волевых напряжениях.

Данилов потягивал пиво и дальше. Удалился ли Кармадон с компанией или нет, он не знал. Шумы компании Данилов отключил от себя. Но думы о Кармадоне не уходили. Эким стал лицейский приятель! Однако держится. Пострадал, разжалован, лицо имеет кривое, а держится. И как! Будто не растерял прежних достоинств и связей и вот-вот получит решительное повышение. Орел, беркут! Пусть и пораненный. А может, знает наперед о своей судьбе такое, что и разрешает себе выглядеть беркутом. И он еще ответит на нынешнюю выходку Данилова. Он и за дуэль заплатит ему по высокому или по низкому счету. Как пожелает. "Посмотрим, — подумал Данилов. — Орел, беркут! Он уже пыжился быть синим быком!" Сейчас же Данилов посчитал, что это его ехидное соображение о синем быке — дурное, оно как бы мелкая месть, пусть и мысленная. И это ему, Данилову, пришло на ум сравнение с беркутом, довольно пошрое, сам же Кармадон, возможно, в душе и не столь грозен. "Нет, — думал Данилов, — он все еще хищник, все тот же ас со спецзаданием..."

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

ШЕВРИКУКА, ИЛИ Любовь к привидению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские истории":
"Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

25

Опять дрожание земли и глубинные гулы ощущал Шеврикука, но уход его из Дома Привидений вышел на странность беспрепятственным. Не объявились даже Горя Бойс и бабка Староханова, а могли бы проявить интерес. Некому было сдать сушеную воронью

лапу, и Шеврикука оставил ее висеть в черном море.

Во дворе Землескреба Шеврикуку поджидал Пэрст-Капсула. Был он в ковбойской шляпе, камуфляжном костюме и полусапожках. "Донесения Радлугина", - прошептал Пэрст-Капсула, ничего не протянул Шеврикуке, но за пазухой у того, под джинсовой рубашкой, образовались бумаги и стали Шеврикуку угнетать. "Хорошо, хорошо, - быстро и даже недовольно проговорил Шеврикука. - Потом, потом! Совершенно занят. Завтра". Пэрст-Капсула, похоже, расстроился. Он явно жаждал общения, а может, и о чем-то хотел попросить Шеврикуку.

- Ну что еще? - сказал Шеврикука.

- Я хотел бы иметь подругу, - смущаясь, сказал Пэрст-Капсула. - Вы позволите мне завести ее?

- Ты сам себе хозяин! - махнул рукой Шеврикука и помчался в квартиру Уткиных.

"А кругляш-то его, наверное, и впрямь непростой", - подумал Шеврикука, вспомнив, как горел перстень на пальце Гликерии, а потом потускнел.

Среди прочих донесений Радлугина было: "Плод квартиросъемщицы Легостаевой развивается нормально. Упомянутая Лег. по-прежнему утверждает, что понесла от Зевса".

И это донесение и иные бумаги Шеврикука отбросил.

Все чего-то хотят. Кто подругу. Кто младенца от Зевса. Кто Туманность. Кто Всемирную Свечу. Чего желает он, Шеврикука? Не нужна ли и ему теперь подруга? Или хотя бы Туманность? Но он и так в туманности. В тумане бытия.

Шеврикука отдышался и нечто придумал. Потом он снова взял бумаги, доставленные Пэрстом-Капсулой. Доброжелательный гражданин Радлугин делился своими наблюдениями над жизнью ответственного квартиросъемщика Дударева О.С. Этот Дударев был во многом хорош и терпим и скорее доброжелателен, нежели подл, хотя порой дребеденил, шумел и водил непостоянных женщин. Но Радлугина обеспокоили ни с того ни с сего возникшие отношения Дударева О.С. с какими-то неизвестными отродьями, по-видимому, агентами, согласившимися называть себя Отродьями. А так называемое Отродье Б. 8783 - 4. Б. Ш. (Фл. Ш.) в карточке с золотым тиснением недвусмысленно потребовало от Дударева О. С. установить связь с привидениями, якобы проживающими в здешней местности. Но привидений нет в природе, а в здешней местности и в Землескребе их тем более не может быть. А потому под привидениями надо иметь в виду какие-то невыявленные личности, скорее всего, потенциально опасные.

"Сегодня ты узришь привидение! - пообещал Радлугину Шеврикука. - Сегодня к тебе явится тень Фруктова!" Он сейчас же был

готов отправиться в квартиру Радлугиных. Обзавестись привидением в подъезде, и немедленно, входило теперь в его расчеты. Но он подумал, что визит Фруктова в светлую пору может и не вызвать у Радлугина необходимые впечатления. К тому же засомневался: а обернется ли он тенью Фруктова? Впрочем, опыт и умение у него были. Другое дело, стоило ли ему самому стать подобием Фруктова? Или же следовало лишь вызвать тень доведенного до гибели и ею управлять? Шеврикука колебался. Но потом решил исполнить обе вариации. Тема-то ему была ясна. Начинать можно было с управляемой тени. Ради достоверности, посчитал Шеврикука, создавать ее, пусть и бессловесную, надо было в квартире, где отчаявшийся Фруктов отказал себе в праве на существование. Нынче там проживал бакалейщик Куропятов, склонный к философическим восхождениям.

"А не подняться ли пока к Пэрсту-Капсуле?" - подумал Шеврикука. И поднялся.

- Это тебе знакомо? - спросил Шеврикука, протянув Пэрсту-Капсуле донесения Радлугина об интересе к Дудареву Отродьев с Башни.

- "Б. 8783 - 4. Б. Ш. (Фл. Ш.)", - прочитал Пэрст-Капсула. - Знакомо. Белый Шум. Один из них. Порядковый.

- Это что еще за шум?

- Случается в электронных устройствах... в эпизодах высших температур... включают в список конкурентов, ведущих борьбу за

существование... простейшей моделью его могут служить песчаные или снежные лавины... Обвалы...

- Я в этом ничего не понимаю, - поморщился Шеврикука.

- Музыкой поставлен предел объяснению мира, - сказал Пэрст-Капсула.

- При чем тут музыка! - воскликнул Шеврикука. - Меня интересует: Белый Шум, Б. Ш., хоть бы и порядковый, - это серьезно?

- Серьезно. Это очень серьезно.

- Ну ладно, - заключил Шеврикука, помолчав. - Примем к сведению. А что это ты вспомнил насчет музыки? И в связи с чем?

- Слова не мои, - сказал Пэрст-Капсула. - Я их повторил. Я слышал. Музыкой поставлен предел объяснению мира. И произносили это в связи именно с Белым Шумом.

- Музыкой поставлен предел объяснению мира? Или музыка - предельное объяснение мира?

- Может, и так, - сказал Пэрст-Капсула. - Люди что-то ищут. Полагают, что вот-вот подберутся к истине. Или уже подобралась. И тут - удивительный шум. Обвал шума. Лавина его. Далее музыки идти нельзя.

- Нельзя — значит, и не надо, - согласился Шеврикука. - Мы и не пойдем. А отчего этот Белый Шум, порядковый, попал в Отродья?

- Белые Шумы высокомерны. Человек и его устройства вызывают у них пренебрежение. Или презрение.

- Но порождены-то они именно этими устройствами?
- Возможно. Но они так не считают.
- Среди Отродий они важны?
- Важны. Но положение их незначительно. Их придерживают. Иные из них и на побегушках. Они важны как исполнители. Их ценят, но ценность преуменьшают.
- А они не в обиде?
- Возможно, и в обиде. Но обиду таят в себе. Есть причины.
- В послании к Дудареву какие-то цифры.
- Номер разновидности. Четвертая разновидность. И может быть, номер серии. Или номер поручения. Не знаю.
- Но этим номером можно определить степень серьезности поручения и исполнителя?
- Скорее всего, средней серьезности. Но цифры могут быть и ложными.
- Это понятно, - сказал Шеврикука. - Стало быть, Б. Ш. - высокомерны.
- Да, - кивнул Пэрст-Капсула. - Они и Магнитные Домены.
- Еще и Домены, - вздохнул Шеврикука.

Он помолчал, давая возможность Пэрсту-Капсуле сообщить какие-либо иные сведения или продолжить разговор о заведении подруги, невежливо прерванный накануне. Но Пэрст-Капсула ни слова о подруге не произнес.

-Тогда... в ту ночь... - неуверенно начал Шеврикука, - в доме на Покровке ты оказался случайно или по весомой причине?

- Случайно, - сказал Пэрст-Капсула. - Но и по весомой причине.

- Похоже, я обязан тебе, - сказал Шеврикука. - Я не забуду.

- Стоит ли говорить об этом? Не стоит. Возможно, я имел и свой интерес.

- Ты разглядел перстень... - Шеврикука замялся, - тамошнего привидения?

- Да, - кивнул Пэрст-Капсула. - И понял. Но... вашей знакомой следовало бы впредь относиться к украшениям осторожнее.

- Боюсь, что теперь мне будет непросто вернуть тебе две вещицы...

- Может быть, оно и к лучшему, - сказал Пэрст-Капсула.

- Как знаешь, - сказал Шеврикука.

(продолжение предполагается)

**Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.**

Э. Ананиашвили

Цитата номера:

**Кто с мечом
к нам
придет, тот
получит в
орало...**

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ

< И Б И С >

№ 41

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000. Выпускается на личные средства издателя. Соответствует примерно 108 экраным страницам формата А4 шрифтом Arial 20 полужирным. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла журнал целиком (либо отдельными статьями в виде *.doc-файлов) можно бесплатно получить на [E-mail: eugenelev@fromru.com](mailto:eugenelev@fromru.com) (пароль — [academia](#)).

Цена дискеты с одним номером журнала — 30 руб.

С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо установить режим разметки страницы («Print Layout View»), 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы.

Реквизиты редакции:

Тел.: (095) 493-54-87

E-mail: eugenelev@fromru.com (пароль — [academia](#))

**"Следует
всеми
силами
продвигать
знания о Тонком
мире."**

Агни Йога